

КЕЛЬТ

LEO VOLLMOND

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ,
ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ,
ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ ЗА СОБОЙ УСТАНОВЛЕННУЮ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

18+

Leo Vollmond

Кельт

<https://litres.ru/74166573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нордэм — город, где умирающие заводы соседствуют с сияющими башнями богатых кварталов.

Атлас белая ворона в черном гетто Нордэма. Он знает: семья — это когда ты один, даже когда все дома. Его мечта неосуществима: вырваться в другую жизнь, поступить в Принстон.

Грань между выживанием и преступлением стирается, когда он находит в автомастерской два кило запрещенного груза. Казалось бы, все проблемы должны решиться, если он сможет продать этот груз.

Но проблемы только начинаются. Атлас вынужден стать тем, кем он всегда был внутри — безжалостным палачом, не знающим пощады. В какой-то момент он перестает спрашивать себя, чувствует ли боль, он отвечает «легко» и понимает, что не врёт.

Зажатый между нуждой и предательством, он добровольно стирает прежнюю жизнь. Теперь он — Кельт. Синоним смерти, городская легенда, кошмар для тех, кто его создал.

Но в самых темных уголках сознания живет не призрак прошлого, а холодная ярость изгнанного волка, который однажды вернется.

Содержание

Пролог. Последний актив	5
En guard!	23
Не на том берегу	37
Правила территории	48
Лёд	64
Распад	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Leo Vollmond

Кельт

Пролог. Последний актив

Забегая вперед...

Весна приходила в Нордэм не зелёным натиском, а сырым прозябанием. Индустриальный исполин, распластавшийся на мили вдоль Восточного побережья, входил в пору медленного гниения. Нордсайд, историческое чрево города, с склеротичными венами-улочками, размягчалось от влаги, сочащейся сквозь кирпич и память. Из каждой расщелины выползали запахи ушедшей эпохи — ржавого железа, гниющей древесины портовых свай, мазута и несбывших надежд на возрождение. Грязь, оттаявшая в подворотнях, поднималась в небо едкими испарениями, чтобы низвергнуться обратно плотными потоками, начисто стирая границу между землёй и ядовитым смогом, между вчерашними долгами и сегодняшним крахом. Воздух — густой, влажный, обволакивающий — застревал в горле, как тина в лёгких утопленника. Дышать здесь значило задыхаться намеренно. Не возрождение и торжество природы, а предсмертная агония. Сам блеклый свет весеннего неба, казалось, отворачивался, представляя город его единственным верным спутником — ржав-

чине и бесконечному, шелестящему дождю.

Мир за окном бара «Халф-Вулф» медленно растворялся в сумеречном мареве, внутри — островок тепла из потемневшего дерева, табачного смога и старого пива — глухо тонул в весеннем киселе Нордсайда. Конденсат стекал по стеклу извилистыми тропами.

Дэдди Дон — главарь банды «Бешеных Псов» стоял у окна, будто прирос к полу, и казалось, наблюдал не за дождём, а за тихим, неумолимым распадом всего сущего. В этот момент он больше походил на последнего солдата, забытого на разбитой позиции. Свое отражение в запыленном окне казалось ему бледным пятном, призраком, навеки заточенным в этом прокуренном коконе. В свои достаточно сильно за тридцать, Дэдди выглядел куда старше — с кожей, высушенной сигаретами до состояния жёлтого пергамента. Под потрёпанной косухой, наشلёпкой времен былой славы, угадывался костлявый силуэт — тень байкера, чьё время безвозвратно утекало в трещины асфальта.

Дэдди ждал. Ждал, что дверь с треском распахнётся, и в вязкую тишину ввалится знакомый силуэт, от которого пахнет дождём, бензином и крепкими Lucky Strike. Ждал, что услышит хриплый смех друга, его уверенные шаги, которые всегда словно бросали вызов законам тяжести. Но дверь оставалась неподвижной. Ни ветер, ни случайный прохожий — никто не нарушал её молчаливого укора.

И Дэдди продолжал ждать. Без надежды — лишь с уста-

лой мольбой о передышке, о последних минутах перед тем, как придётся признать своё окончательное, бесповоротное банкротство. Вопрос, выжигавший изнутри, гранен, прост, и отлично подходил для эпитафии: где Кельт?

Кельт. Не кличка — титул, выкованный в подворотнях и оплаченный кровью. Человек, носивший его, виделся слепком слепой стихии, насильно втиснутым в человеческие кожу и мускулы. Его исчезновение не событие, а изъян в самой ткани реальности — беззвучным провалом, зияющей чёрной дырой, разорвавшей жестокую, но привычную геометрию вселенной. Мир не изменился — он искривился. И в этой новой, уродливой реальности Дэдди делал шаг, боясь провалиться в ту пустоту, что Кельт оставил после себя.

Дэдди перебирал ответы, как чётки, и каждый ломался в пальцах. «Исчез?» — слово для протокола и туповатых коп. «Сбежал?» — подразумевало надежду, будущее. В лексиконе Нордсайда таких слов не водилось. «Умер?» — требовалось доказательство. Тело, которого нет. Только тишина, давящая сильнее любого крика. И Дэдди знал: природа — и такие люди, как Крестный Отец Нордэма, Альберто Романо, — пустоты не терпят. Вакуум немедленно заполняется. Новыми обязательствами. Грузом, который осядет на его, Дэдди Дона, плечах, согнёт хребет, заставит уткнуться взгляд в ту самую грязь под ногами, но уже без малейшего права поднять голову.

Мысль родилась не вспышкой озарения, а как медленное,

неотвратимое просачивание истины — подобно тому, как вода годами точит бетон, отыскивая невидимую трещину. Если нет тела, чтобы утолить ненасытный аппетит «семьи», нужно предложить ей иной вклад. Не вещь — ценность. Не долг — актив. Подлинную валюту того изнаночного мира, где любить — значит владеть, а владеть — значит обнажать уязвимое.

Дверь все же заскрипела — неохотно, податливо — под настойчивым напором сырого ветра, впуская в бар длинный, тёмный силуэт. Кира. Ван Смут сбросила капюшон одним резким движением, и её лицо — жёсткое, лишённое полутонов, с глазами цвета закалённой оружейной стали — медленно, методично обследовало пространство. Взгляд скальпельно-точный скользнул по пустым столикам, по стойке, за которой застыл недышащий бармен, превратившись в часть интерьера, и наконец упал на Дэдди. Ни тени удивления, ни намёка на приветствие. Чистая констатация: ты здесь, я здесь, и причина тому серьёзна.

— Порадуй, — хрипло выдавил Дэдди, отрывая взгляд от призрака себя в отражении.

Кира в ответ лишь подняла палец, дав бармену беззвучную команду: «Двойной эспрессо». Ни сахара, ни взгляда в сторону виски. Ничего, что могло бы смягчить остроту момента.

Ван Смут двинулась к угловому столику, утопающему в тени, и заняла место спиной к стене, лицом к входу. Дэдди,

будто на невидимой нити, последовал за ней и опустился на противоположный стул. Фарфоровая чашка с густой, чёрной жидкостью появилась перед ней беззвучно. Кира взяла её, не глядя, сделала первый маленький, обжигающий глоток. И только потом, поставив чашку на блюдце с тихим, но отчётливым лязгом, произнесла:

— По слухам, он ушёл в «Копи».

Копи. Слово повисло между ними. Дэдди почувствовал, как у него внутри всё сжалось в один ледяной ком. Он не стал спрашивать, чьи это слухи. В мире Романо слухи — это просто мягкая форма приказа. В уме щёлкнуло с глухим, металлическим звуком — поворот ключа в замке сейфа. Дерьмо. Чистейшей пробы. Логика Кельта, беспощадная в своей простоте: попытаться аннулировать неоплатный долг не деньгами, а единственной валютой, которая всегда при нём. Собственной плотью. Не расплатиться, а совершить акт хирургического отсечения — одним резким движением отрубить себя от мира живых, из должника превратившись в легенду. В кровавую байку, которую будут шепотом пересказывать в тёмных углах Нордэма, пока не сотрутся все реальные черты лица, оставив только силуэт, ушедший в «Копи». Дон понял — это не бегство, а последнее, отчаянное балансирование на краю, попытка перевести личный крах в вечный миф.

«Копи». Не место — миф. Лабиринт катакомб под чревом Нордэма, куда проблемы не решали, а сбрасывали, как отработанный шлак. Последняя инстанция. Отправить туда

мог лишь один человек, но голос Романо никогда не звучал в приказах такого рода. Его руки оставались безупречно чисты. Он лишь ронял намёк, лёгкий, как пепел с сигары, а безлика, вечно голодная «семья» — этот совершенный механизм из страха и долга — подхватывала его и доводила до чёрного, бесшумного финала. Идеально. Безупречно. Цинично до гениальности.

Дэдди остался не просто ни с чем, которое тяжелее любого груза. Он остался без напарника, с чужим, неподъёмным долгом на согнутой шее и с леденящим пониманием: внезапная пустота, зияющая дыра на месте Кельта, уже не проблема, а выгода. И кому-то она на руку.

— Романо слухи не схавает, — Дэдди выдавил сквозь стиснутые зубы, взгляд прилип к движению тряпки в руках бармена. Та скрипела по стеклу с таким усердием, будто стирала само доказательство чьего-то существования. — Ему подавай факты. Тело. А у нас — хер.

Кира не ответила сразу: сделала ещё один глоток — словно отмеряла не кофеин, а критически важную дистанцию между мыслью и озвучиванием. В глазах ни тени сочувствия. Лишь расчёт. Чистая, безэмоциональная логика, перемалывающая варианты.

— Тогда брось ему косточки, — наконец произнесла она, поставив чашку на стойку. Фарфор издал тонкий, звенящий звук, похожий на удар хрустального колокольчика по лезвию ножа.

Сама мысль, будто гнилой плод, созревший в сознании, вдруг сорвался с ветки и упал между ними с тихим, отчётливым стуком. Дэдди почувствовал свело челюсти. Идея уже гнездилась в мозгу — отвратительный паразит, точащий изнутри. Дэдди прокручивал эту чёрную арифметику: два никому не нужных отродья в обмен на один долг, который душит. Щелчок признания прозвучал в мыслях громко и неприлично, как звук взломанного замка.

— Они же дети, блядь, — выдохнул Дэдди, но голос лишился жара. Констатация, а не возражение. — Не товар.

— Скажи это Романо, когда он начнёт сверять баланс, — безжалостно парировала Ван Смут. — Мы все когда-то были детьми, — она не добавила: пока не стали цифрами в бухгалтерской книге.

Кира не открывала мысль полностью — лишь снимала покровы и обнажала то, что и так проросло в душу ядовитым корнем. В ту самую глубину, где зрели точки невозврата. Дэдди уже просчитал варианты и прикинул план действий. Намерения вставляли на новые рельсы. Он уже не думал «стоит ли», а считал «как». Механика предательства заменила моральную арифметику.

— Завали, Кира! — крип хрипло рванулся и тут же сдулся, как проколотая шина. — У нас выхода не было. У них... может, и есть.

Дэдди уставился в потёртую стойку, лишь бы не встречаться с её взглядом. И оба знали — это последний, жалкий

выдох перед тем, как смириться. Совесть, поношенная, истрёпанная, медленно, со скрипом, поворачивалась нужной стороной — той, что уже давно срослась с грязью Нордсайда. Оставалось сделать шаг.

Снаружи донеслось шуршание шин по мокрой плёнке асфальта. Резкие, чёткие хлопки дверей разрезали тишину. Затем — размеренная поступь, отмеряющая шаги с безошибочной регулярностью метронома.

Дэдди медленно, будто преодолевая сопротивление густого воздуха, повернулся к окну. Сквозь завесу мутных потёков, в угасающей акварели сумерек, замер чёрный «Лексус» с тонированными стёклами. Неподвижный, отполированный до зеркального блеска, он казался не автомобилем, а катафалком, ожидающим «клиента». Двое в безупречных тёмно-серых пальто уже стояли на тротуаре. Не осматривались. Не закуривали. Их взгляды, пустые и прицельные, были прикованы к двери «Халф-Волка».

«Коллекторы», — пронеслось в сознании Дэдди. Не солдаты, не грубая сила. Посланцы к тому моменту, когда кредит доверия исчерпан, и лимит на отсрочки аннулирован. Безличное, безапелляционное приглашение от самого Дона Романо.

По спине Дэдди пробежал острый трепет — сухая изморозь инстинктивного страха, мгновенно растворённая в приливной волне липкого, тошнотворного адреналина. Ложным надеждам и упрямым иллюзиям вынесен окончатель-

ный вердикт. Их время истекло.

— Кажется, твой кредитор проявляет безупречную пунктуальность, — отметила Кира, осушая чашку эспresso. Ни один мускул не дрогнул на её лице.

Дэдди отвёл глаза от окна. Молча кивнув Кире — ни согласия, ни прощания, чистая констатация факта и общего знания — он двинулся к выходу. Потрёпанная кожаная куртка легла на плечи с тяжестью доспехов, надеваемых перед последней битвой. От глубокого вздоха грудью наполнилась воздухом с сигаретным дымом и той призрачной свободы, что отныне становилась достоянием прошлого. Дэдди толкнул дверь.

Ветер, острый и насыщенный гниlostной сыростью, ударил в лицо, словно пощёчина от самого города. Коллекторы повернули головы синхронно, с безупречной точностью деталей одного механизма. В глазах ни малейшего нетерпения. Только протокол.

— Вас ожидают, — произнёс один голос, лишённым тембра. Второй лишь обозначил едва уловимое движение рукой — не указывая, а обозначая траекторию, как стрелка на схеме. Констатация геометрической истины: точка «А» — тротуар. Точка «Б» — бархатная, поглощающая свет пустота за тонированным стеклом. И между ними — Дэдди Дон, превратившийся в живой вектор, в движущуюся единицу.

Глядя в клубившуюся тьму салона, Дэдди с ледяной ясностью осознал, что вез с собой в качестве платы. Не деньги. Не

прах Кельта, а кое-что куда более ценное. Предложение. Два имени, которые ещё вчера дышали в сознании как крестники, отголоски чужой ответственности, сегодня совершали в душе тихий, необратимый метаморфоз. Они отщеплялись от человеческого, превращаясь в ресурс. Из плоти и крови — в цифры в колонке расхода. Из детей — в последний, отчаянный козырь, спрятанный в рукаве, и становились теми последними фигурами на доске, которые ещё можно передвинуть, чтобы отсрочить мат собственной судьбе.

Дэдди шагнул в салон. Резкий холод улицы сменился затхлым теплом, пропахшим искусственной «свежестью» и искусственной кожей. Дверь захлопнулась за ним с тихим щелчком, отсекающим одно измерение жизни и открывающим другое. Вместе с ним в салон проник горьковатый, металлический осадок на языке — не привкус, а уже химический состав крови, изменённый решением.

За тонированным стеклом Нордсайд плыл в струящихся подтеках. Дождь снова не лил, а шелестел. Бесконечный, тоскливый звук, будто кто-то ссыпал ржавые иголки на жестяные крыши, на потертые бока мусорных баков, на струпья асфальта. Грехов этого места не смыть, только разбавить и превратить грязь в однородную, блестящую пасту, в которой безнадежно вязли колеса, шаги и мысли.

Дэдди ощущал холод — не внешний, не сырость нордсайдских улиц, а иной. Тот, что сочился из самой сердцевины тишины, наполняющей салон почти осязаемой субстан-

цией. Холод, из взгляда в зеркале заднего вида — лишённого глубины, словно отполированная пластина стали. Дэдди не везли, как гостя, а транспортировали, как груз. Из точки “А”, где он еще главарь Бешеных Псов, в точку “Б”, где он, вероятно, неопознанный труп в Норд-Ривер.

Особняк на Хиллвью-Драйв не горел огнями — наоборот, поглощал их: вытягивал, как чёрная дыра. Громада из полированного гранита сгущала угасающие сумерки. Слепые, зеркальные окна отражали свинцовое небо и одинокую, зловещую каплю чёрного автомобиля, ползущую вверх по серпантину подъездной дороги. Не дом, а термитник власти. Цитадель, воздвигнутая на самой высокой кочке бетонного болота, чтобы смотреть свысока на дымящиеся трубы и копошащиеся улочки не как на город, а как на диаграмму влияния. Не как на шахматную доску — доски подразумевают правила. А как на колонию муравьёв, чью суету можно одним движением прекратить, придавив ногой.

Вестибюль оглушил резонирующим молчанием. Шаги, ударяясь о полированный мрамор, дробились о голые стены и возвращались эхом — неровным, давящим пульсом, отдававшимся в костях черепа. Воздух висел неподвижной массой, приправленной химической сладостью ландыша и едкой, неживой чистотой, напоминающей о герметичных хранилищах и запечатанных документах. Запах капитала, очищенного от памяти о происхождении, отмытого до состояния вечной, бесплотной абстракции, начисто забывшего о

родившем его насилии.

Дон Альберто ожидал у камина. Неподвижный, обращённый спиной, он созерцал бесшумную, геометрически безупречную имитацию пламени — холодный синий ореол под стилизованными «поленьями» из керамики. Маячивший порог в половину века — поразительно ранний возраст для Крестного Отца. Альберто выглядел так, будто время обтекло его, не оставляя следов, лишь полируя поверхность до глянцевого, непроницаемого блеска. Тёмные волосы, почти без седины, и осанка, державшаяся не мышечной силой, а непоколебимой волей, выдавали в нём существо иного измерения. Не хищник в привычном смысле. Скорее, редкий артефакт в музее — бесценный, но абсолютно чуждый тому миру грязи, которым безраздельно правил. Синтетический элемент в стерильной, вымершей чистоте собственного святилища.

Романо оторвался от созерцания пламени и оглянулся, послав гостю взгляд, напрочь лишенный раздражения или малейшей тени интереса. Застывшая болотная муть в его глазах излучала усталую, выцветшую внимательность — сосредоточенность архивариуса, разбирающего папку с делами, исход которых предreshён.

— Теодор. — Ровно, сухо, без тембра. Исключительно формальная вежливость. Больше походило на процедуру идентификации, чем на приветствие.

Имя отозвалось далеким эхом и упало на плечи поношен-

ным, стёртым до дыр плащом не по размеру. Оно принадлежало не Дэдди, а тому призрачному силуэту из прошлого — более юркому, более доверчивому, до боли наивному созданию. Глупым Теодор никогда не был — иначе его кости давно бы отбелило солнце на окраинной свалке. Но и умным назвать не мог — не стоял бы здесь — на отполированном, отнимающим тепло полу.

— Мистер Романо, — кивнул Дэдди, ощущая, что привычная маска «своего парня» — удобная и потрёпанная личина — трещала и сползала под всевидящим взглядом. Здесь всё и вся уже давно препарировано, разложено на составляющие и взвешено с бесстрастной точностью аналитических весов.

— Ты не рад встрече, — констатировал Романо, обладая той редкой пронизательностью, что обходится без намёков и слов. Лёгким, почти невесомым движением кисти он разрешил говорить. Не предложил сесть. Дистанция — физическая, сокровенная, непреложная — краеугольный камнем ритуала, самой основой власти. — Что ж, должен признаться, разделяю твои чувства.

Комок в горле Дэдди стал плотным и колким, как слежавшийся пепел.

— Без на прелюдий. Один вопрос. Где Кельт? — Веки Романо даже не дрогнули. В интонации не проступило ни капли интереса к судьбе человека. Лишь к судьбе актива. К чистой механике перемещения единицы в заглавной бухгалтерской

книге.

— Его нет. Не на точках. Не в схронах. Молчит. — Слова Дэдди сорвались чужим, надтреснутым шёпотом.

— Исчез, — отчеканил Романо, перекатывая слово на языке, будто оценивая фальшивую монету, и находя её пустотелой. Взгляд скользнул к беззвучному огню. — За ним тянулся... хвост. Вернее, за вашей операцией. Та самая инициатива по зачистке. Не подумай, я ценю результат — стукач обошёлся нам в четыре цеха. Но ликвидация детектива наркоотдела... порождает операционные издержки. Кто возместит убытки, если ответственное лицо... испарилось?

Вопрос отточенный и неотвратимый. Без гнева, без угрозы. Чистая бухгалтерия. Арифметика власти, где жизнь и долг имели одинаковый коэффициент конвертации.

— Ликвидация угрозы входила в наши обязанности. Кельт следовал инструкциям, — слова, обжигающие гортань, прозвучали фальшивым звоном даже для произносящего их.

Уголок рта Романо дрогнул в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку.

— Инструкции. Восхитительно. Мне неважно, кто держал нож. Интересует подпись под договором. Твоя. Ты — поручитель. Несёшь солидарную ответственность, — пауза, отмеренная для полного впитывания смысла, как яду дают время достичь сердца. — Кельт твое вложение. Твой скакун. А теперь... — голос опустился до шёпота, приобрёл предельную

чёткость, — ...а теперь скакун оборвал поводья. Инвестиция обратилась в убыток. Отвечает поручитель. Всем своим капиталом.

Романо не повысил голоса. Слова в одной тональности — сухие, отекающие факты, падающие в пространство с весом слитков в хранилище. Без гневных упреков и запугиваний. Чистая аксиома: обязательства существуют, поручитель несёт ответственность. В этот миг Дэдди с абсолютной, почти пророческой ясностью увидел происходящее: не разговор, а процедуру оценки. Аукцион, где молоток вот-вот опустится над последним его активом — не вещью, а совестью. Образ двух подростков уже витал в мыслях, не названный, но уже внесённый в опись под строкой «ликвидные резервы». Они капитал, которым предстояло покрыть чужой, чёрный дефицит.

Всё внутри внезапно сжалось в безвоздушную точку. Невыносимая тяжесть обрушилась не сверху, а изнутри, будто кости, мускулы, сама грудная клетка беззвучно схлопывались, вытесняя последний глоток свободы. Страхи, амбиции, сама иллюзия контроля — не спрессовались, а рухнули, обнажив бездонную шахту, где теперь оставалось лишь эхо собственного сердцебиения и щемящая тишина перед неминуемым выбором.

Липкая дорожка выступила вдоль позвоночника, медленно впитываясь в грубый хлопок. Не просто пот — физическое свидетельство расчёта. Дэдди знал: в лексиконе Романо

«капитал» не имел границ. Не пачки купюр в сейфе, а люди. Сама возможность следующего утра. И всё это — каждый долг, каждый намёк на силу, каждый тёмный угол, где звучало его имя — теперь балансировало на острие, тонком, как лезвие. Не на волоске — на паутине, уже трещавшей под тяжестью неправильного слова.

— Если он жив, — начал Дэдди, сам уже не веря в это «если», — он может выйти на связь через семью.

Романо повернулся медленно, теперь уже всем телом, как шлюз, перекрывающий течение. Глаза, тёмные и неподвижные, как вода в портовых доках после полуночи — густая, отравленная смесь мазута, тени и гниющей древесины, — остановились на Дэдди.

— Семья... — произнес Романо, задержав слово на языке, будто оценивая не звук, а удельный вес, скрытую ликвидность.

Дэдди кивнул, ощущая, как под рёбрами бешено колотится что-то мелкое и перепуганное, пытаясь вырваться. Романо беззвучно скользнул к массивному дубовому столу, провёл подушечками пальцев по безупречной поверхности. Жест нарочито небрежный, но в нём читалось нечто большее, чем просто движение — обладание, напоминание о том, что любая пылинка здесь существует лишь по его позволению.

— У Кельта жена и сын. Он не оставит их, — настаивал Дэдди, чувствуя, как последний бастион чего-то, что ещё могло сойти за принцип, рушится беззвучно, превращаясь в

труху. — Если он дышит — выйдет к ним.

Дэдди сделал глубокий, шумный вдох. Стерильный воздух, отдававший приторной сладостью ландыша и едкой чистотой озона, внезапно ударил в сознание иным ассоциативным рядом — запахом формалина, холода и небытия. Голос, сорвавшийся с губ, был низким, просквоженным хрипотцой, но неожиданно твёрдым. Голосом человека, чья душа уже не сопротивляется, а лишь наблюдала, как её собственное падение оформляли в официальный протокол.

Романо не отрывал взгляда с непроницаемым лицом, будто высеченным из того же тёмного гранита, что и стены, поглощавшие свет.

— Ты предлагаешь... ребёнка, Теодор? В качестве платёжного средства за долг взрослого мужчины? — Голос сохранял мягкую, почти меланхоличную поволоку. — Боюсь, одна единица представляет собой неликвидный актив. Её стоимость не покрывает обязательств.

Альберто замолчал. Тишина в кабинете не просто наступила — она сгустилась, стала плотной и упругой, заглушив даже призрачное шипение искусственного пламени в камине.

— А за двойню? — выдохнул Дэдди. Слова прорвались сквозь каменный ком в горле, сорвавшись с губ чужим, надтреснутым шёпотом. В висках загудел нарастающий звон, будто внутри черепа лопнула тонкая струна.

Фраза повисла в воздухе, заняв в нём всё пространство

и осела, как невидимая пыль, на полированные поверхности, на совесть, на будущее. Дэдди замер, чувствуя, как влага ладоней впитывается в грубую ткань карманов. Он только что совершил алхимию предательства, превратив две спящие, дышащие жизни в абстрактную единицу расчёта — последний платёж по чужому, посмертному векселю.

Романо молчал несколько сердечных ударов, и в этой тишине впервые проступило нечто, помимо расчёта. Не сочувствие — нет. Скорее, аналитический, отстранённый интерес коллекционера, рассматривающего неожиданный, но ценный лот.

— Приведи их ко мне, — произнёс он наконец. Констатация следующего, неизбежного шага в уже утверждённой процедуре.

За панорамным стеклом дождь вёлся свою бесконечную, монотонную тяжбу с городом, стирая контуры крыш, границу между сумерками и тьмой, между тем, что было честью, и тем, что отныне становилось необходимостью. Партия, длившаяся годы, наконец достигла эндшпиля. Фигуры расставлены без возможности взять ход назад. И где-то на окраине Нордсайда, в тесной квартирке, крестники Дэдди Дона, обременённые лишь снами, в этот миг перестали существовать как дети. Они стали валютой. Курс был назначен. И где-то в тёмном кабинете на холме прозвучала фраза, превратившая будущее в приказ.

En guard!

Нордэм не просыпался. Он пребывал в вечном, тягучем похмелье, на дне остывшей пепельницы после грандиозной вечеринки, которую кто-то отгремел, а ему оставили счет и рвотный позыв. Его утро начиналось не с рассвета, а с гула ночных электричек и хриплых гудков барж на затянутой марево́м Норд-Ривер.

Промышленный гигант, когда-то ковавший сталь для всей страны, раскинул выжженную плоть на мили вдоль Восточного Побережья. Он давно стер память, что под асфальтом и бетоном существовало что-то живое. Мили урбанистического пейзажа как напоминание о собственной агонии. И в её центре, по ту сторону широкой, маслянистой ленты реки, сияли строгие небоскребы делового квартала, словно открытки из чужого светлого будущего. Стекланные стены отражали лучи восходящего солнца, будто отворачивались от своей больной, уродливой тени. Нордсайд. Место, слывшее кладбищем амбиций. Надгробиями здесь служили почерневшие от столетий копоты фасады былого величия, а эпитафии выводили баллончиками на облупившейся штукатурке.

За рекой лежало сердце умирающего великана, его черная, изъеденная язвами душа. Район, втиснутый между ржавеющими доками и поясом мертвых заводов, последний приют для тех, кого город давно списал со счетов. Здесь вре-

мя текло по своим законам. Величие не вымерло — его повесили на крест и заставили медленно ржаветь на глазах у всех. Викторианские особняки с облупленной лепниной соседствовали с обугленными брандмауэрами, гранитные банки прошлого века — с забитыми фанерой витринами, где когда-то продавали шелка, а теперь царила голая нужда. Ржавые пожарные лестницы, как прикованные скелеты, цеплялись за умирающие здания, и по ночам их решетчатые тени ложились на асфальт бесконечной клеткой, ключи от которой давно потеряли.

Воздух в Нордсайте имел даже привкус: специфический — едкий коктейль из выхлопных газов, металлической пыли с давно закрытых литейных цехов и сладковато-кислого душка с Норд-Ривер. Она несла в мутных водах отбросы и погребенные секреты, выплевывая их на берег у Причала Металлистов вместе с ржавыми якорями и обломками барж.

Ночью Нордсайд преображался, сбрасывая дневное оцепенение и надевая маску агрессивного блеска. Неоновые вывески дешевых баров и стриптиз-клубов отбрасывали на мокрый асфальт кроваво-красные и ядовито-синие блики, окрашивая лужи в цвет дешевого вина. В переулках слышалась ругань, лязг металла и приглушенные выстрелы — обычный ночной монолог города. Тени, рожденные тусклыми фонарями, виделись длинными и предательскими. Каждая из них могла таить в себе нож или обещание легких денег.

Нордсайд — мир, где честность настоящая роскошью, которую никто не мог себе позволить, а будущее — абстракция, за которую не давали и ломаного гроша. Город, который смотрел на тебя выбитыми окнами заброшенных фабрик, и в его взгляде не было ни сожаления, ни осуждения. Только холодная констатация факта: ты здесь родился, здесь и сгниешь. Если, конечно, не найдешь в себе сил и подлости, чтобы вонзить в его гнилое нутро клыки и вырвать себе кусок.

Именно здесь, в чреве умиравшего железного зверя, приютилась автомастерская «Нордвинд». Своего рода чистилище для угнанных автомобилей. В ангаре стояла жара: плотная, обволакивающая, пахнувшая маслом и бензином. Две фигуры, обливавшиеся потом в этом аду, двигались с размеренностью мясников на конвейере. Под потолком, на стальной балке, висел старенький транзисторный радиоприемник. Из динамиков вырывались рваные рифмы поэзии улиц — биты идеально подходили к скрежету гаечных ключей.

Пневматический гайковерт в крепкой руке выдирает из искалеченной двери последние болты. Раздетый до остова кузов седана обнажил внутренности. Ему не было больно, когда его разбирали деталь за деталь, отрывали кусок за куском. Машина — это механизм. В отличие от людей.

— Эй, Эванс! Закругляйся! — громоздкая фигура Джерома Мастерса вылезла из-под капота другого «клиента». — Тут как в микроволновке, — утирался он засаленной ветошью и тюка возле инструментов. Растянутая и местами рва-

ная майка натянулась на его мощных бицепсах и насквозь пропиталась потом.

Эванс молча кивнул, тряхнув длинными космами, и дернул посильнее: дверь с жалобным скрежетом отошла от кузова. Под ее весом мускулы на его предплечьях напряглись и заиграли под кожей, покрытой тонким слоем грязи и машинного масла. Сальные русые пряди потемнели от пота, но лицо оставалось спокойным, почти отрешенным. Атлас не ненавидел работу. Он ее уважал. Здесь все было просто, логично, понятно. Ее можно разобрать на винтики, и каждая деталь будет иметь цену.

Именно в такие моменты он чувствовал себя наиболее ясно. Мир снаружи оставался хаосом, но здесь царил порядок. Разобрать. Оценить. Продать. Выжить. Чистая математика. Он отложил гайковерт и взял монтировку. Ему нужно было сорвать бампер. Металл закрипел, сдаваясь с неприятным визгом. В этом звуке была своя музыка. Примитивная, простая, понятная.

Мастерс прав. На сегодня действительно хватит. Атлас закончил с разбором машин. Теперь предстояло собрать себя — по деталям, винтик за винтиком, — в того, кого от него ждал мир. Это была самая сложная работа дня. Он провел рукой по холодному металлу. Скоро смена закончится. Атлас примет душ, сменит вонючую робу на спортивную форму, возьмет рапиру и пойдет в чистый, пахнущий краской зал общественного центра. Потом он наденет яркую майку

болельщика и будет улыбаться, кричать заученные речевки, подбрасывать девочек, чьи отцы не умирали от рака, полученного на литейном цеху.

— Думаешь, на этом хламе старик хоть что-то заработает? — Мастерс почесал нос огромным гаечным ключом, потер нос огромным гаечным ключом, оставляя на коже сажный след.

Взгляд скользил по искривленному кузову. «Хонда». Когда-то красная. Теперь — комок жести с призраком былой скорости. Задний мост цел, старик Хендерсон загонит его за полцены. Двигатель убит в хлам, но блок цилиндров сойдет за сто, может за сто пятьдесят. Электроника... Атлас потянулся к блоку управления: пальцы, длинные и ловкие, привычно отсоединили разъемы. «Клиент» уже мертв. Аппарат жизнеобеспечения не поможет.

— А как еще он нам заплатит? — коротко бросил Эванс. Голос был ровным, без эмоций. Он посмотрел на Джерома. Доброе, простое лицо друга. Мастерс видел в этой работе тяжелую необходимость. Атлас — необходимость, да, но и странное умиротворение. Ему нравилось наблюдать, как нечто целое превращается в набор деталей. Это упрощало мир.

Изуродованная «Хонда» выглядела отражением всей сути Нордсайда. Когда-то яркая, быстрая, полная жизни. Теперь — лишь набор запчастей на продажу, груда металлолома, из которой можно выжать пару тысяч. Он чувствовал то же са-

мое и в себе. Под маской примерного ученика, спортсмена и заботливого сына скрывался холодный, разобранный на винтики механизм, который только и делал, что считал, оценивал и искал самые эффективные пути к цели.

— Верю, братан. Ты у нас мозг, — Джером хлопнул его по плечу, оставив масляный отпечаток. — Пошли отмывать. Щеткой по спинке пройдуся, — он схватил с полки щетку с железной щетиной и замахнулся.

— Ну-ка свалил, — Эванс уклонился от выпада с ловкостью танцора, подпрыгнул, оттолкнулся от капота и перекатился через остов «Хонды».

— Ну че, давай-давай, попробуй догони! — подначивал он, уже исчезая в проеме, ведущему к душе.

Смена в «Нордвинде» закончилась с приходом вечера, который в Нордсайде наступал не по часам, а по степени густоты мрака в подворотнях. Атлас и Джером, смыв с себя въедливую грязь, стояли у ворот, когда к ним, с шиком, не подходящим для этих улиц, подкатил бирюзовый «Кадиллак» модели конца восьмидесятых — длинный, как баржа, с бархатными сиденьями, проглядывающими сквозь треснувшее стекло.

Окно со стороны водителя опустилось с противным скрежетом. Изнутри донесся ритмичный бит хип-хопа. За рулем сидел Джейсон Форман, щегольски откинувшись на спинку сиденья.

— Что, пацаны, подбросить? — крикнул он, сверкая бе-

лоснежной улыбкой, и тряхнул дредами.

Джером свистнул, оценивая вид автомобиля.

— Форман, чтоб меня! Где ты взял этот хлам? Ухажер твоей тетки сел, что ли?

Атлас молча обошел машину кругом. Его взгляд, привыкший оценивать ущерб, скользнул по лакированному, но поцарапанному борту. Уголки его губ дрогнули в едва заметной усмешке.

— Это ж тачка сутенера, — произнес Эванс ровным тоном, останавливаясь у открытого окна. — Долли точно не с тем парнем встречается.

Джейсон лишь рассмеялся, отмахиваясь.

— Полный бак, братан! И Долли разрешила на недельку покататься. Пока ее хахаль не откинется. Че, падайте на хвост!

Атлас кивнул, открывая переднюю пассажирскую дверь. Он всегда садился вперед. Это была его позиция — рядом с водителем, где лучше обзор. Громоздкий Джером, с грохотом, втиснулся на заднее сиденье.

«Кадиллак» поплыл по узким улочкам, мимо почерневших кирпичных фасадов, словно гигантская, нелепая рыба в мутном аквариуме. Они свернули на Оушен-авеню — парадную, но обветшалую артерию Нордсайда, где некогда сияли витрины, а теперь ютились лавки с дешевыми париками и провонявшие куревом бары. Путь лежал к церкви Святого Игнатия — массивному готическому зданию, чьи шпили,

как корабельные мачты, упирались в вечно пасмурное небо Нордэма.

У кованой ограды возле старого клена на фоне серой стены едва различался хрупкий девичий силуэт. Зоркий глаз Эванса сразу заметил сестру, как бы старательно она не пыталась слиться с обстановкой: скромная серая юбка и белая блузка — униформа добропорядочной прихожанки. Русые волосы были убраны в тугую, идеальную косу. В одной руке она сжимала маленький молитвенник, в другой — тлеющую сигарету. Портрет благочестия с дымящимся грешком на кончиках пальцев.

Увидев бирюзовый «Кадиллак», она сделала последнюю, глубокую затяжку и изящным, отработанным движением швырнула бычок в канализационный сток. Она никогда не курила при брате. Это было их молчаливое соглашение — не видеть друг в друге того, что могло бы причинить боль.

Машина притормозила. Миа подошла к задней двери, ее лицо оставалось невозмутимым.

— Тетя Долли явно пересмотрела «Крестного отца», — произнесла она, открывая дверь и ловко скользя на сиденье рядом с Джеромом. — Поздравляю, Джейсон, ты теперь официально выглядишь как сутенер с Миллер-стрит.

Джейсон лишь фыркнул, включая передачу.

— Вам просто завидно, что у меня есть стиль.

— Угу, и леопардовое пальто, — на лице Мии ни тени улыбки. Только усталость, а в глазах — старая душа.

Атлас, не оборачиваясь, спросил:

— Как оно, Мэймэй?

— Скучно, — отозвалась Миа, глядя в окно на проплывающие мимо тучи. — Раздавала обеды, помогала старикам заполнять квитанции. Собрала подписи для портфолио. Еще пару недель, и Принстон сочтет меня достаточно альтруистичной...

Она говорила это без тени иронии, с холодной, деловой расчетливостью. Церковь была для нее просто строчкой в резюме. Еще одним кирпичиком в мосте, который они с Атласом строили через пропасть, разделявшую Нордсайд от остального мира, чтобы когда-нибудь никогда больше не возвращаться в «Нордвинд» и к церковной ограде с сигаретой в руке.

Атлас, не отрываясь, смотрел в лобовое стекло, но краем глаза фиксировал каждое движение в салоне. Он заметил, как Джером, обычно такой громкий и размашистый, на заднем сиденье вдруг стал неестественно собранным. Как он украдкой поглядывал на Мию, когда та смотрела в окно, и как быстро отводил взгляд, встречаясь с глазами Атласа в зеркале заднего вида. Взгляд был каким-то... мягким. Не дружеским, а каким-то другим. Эванс резко отвернулся к окну.

Джейсон высадил их у подножия старого многоквартирного дома. «Кадиллак», похожий на прокаженного павлина, с грохотом умчался в сгущавшиеся сумерки.

— Общественный центр до понедельника закрыт, — бросил Атлас, впихивая ключ в замочную скважину двери их квартиры.

Медленно-быстро-быстро-медленно. Четыре оборота. Миа запирала последней. Дверь поддалась, выпустив им в лицо тяжелое дыхание дома — запах лекарств, пыли и тлена.

— Будем заниматься на крыше.

Миа привычно закатила глаза, бормоча что-то под нос. Усталое, ясное раздражение. Атлас видел его, но не слушал. Вернее, слушал только то, что касалось обстоятельств: фактов, задач, инструкций. Ее полу-упреки, усталость, гнев — любая эмоция, отскальзывала от него дождевыми каплями от промасленной куртки. Чувства других людей стали для Атласа статикой на фоне главного сигнала — его собственного расчета.

Вечер растворился в рутине, как всегда — быстро и бесследно. Домашние дела, ужин из вчерашней овсянки, быстрая проверка отца — он спал. Единственная хорошая новость дня. И вот они поднялись по последнему пролету, навстречу ветру и иллюзии свободы.

Крыша давно стала их необитаемым островом, где время от времени появлялась жизнь. Единственное место, где можно дышать, не ощущая на языке привкуса гари. На смену ему приходил другой — морская соль. Его приносил ветер с залива вместе с запах далекой воды и призрачного простора. Под ногами хрустел гравий, а над головой, вместо ламп, го-

рели неоновые буквы вывесок и тусклые, едва живые звезды, пробивавшиеся сквозь вечную дымку Нордэма.

Эвансы замерли друг напротив друга, подняв рапиры. Призрачные фехтовальщики на краю крыши, затерянные в поднебесье над гниющим городом. Этот импровизированный спортзал под открытым небом был вынужденной мерой — часы в общественном центре урезали, а найти спарринг-партнера в Нордсайте, где баскетбольный мяч был священным граалем, а рапира — чудачеством, не представлялось возможным. Они были друг у друга и тренером, и мишенью, и единственным звеном, связывающим с миражем иного будущего.

— Готовься, — голос Атласа смешался с порывом холодного ветра. Его стойка — не поза, а законченная форма, отточенная, безжалостная.

Миа кивнула, пальцы впились в эфес. Она всегда отличалась завидной ловкостью, в бою была стремительной и гибкой. Ее атаки порой напоминали танец, но в них не хватало главного — той хищной, стальной эффективности, что жила в каждом движении брата. Та разница, что дарована им при рождении: когда она боролась за жизнь, он просто родился. Никакие тренировки не могли стереть эту грань.

Скрежет стали о сталь, резкий и сухой, разорвал вечернюю тишину. Это был звук, чуждый Нордсайду — не грохот, не выстрел, а точный, холодный конфликт. Атака Атласа была не просто быстрой; она была неотвратимой, как падение

камня. Укол. Еще один. Точечный, безрассудный.

— Слишком широко ведешь клинок, — его голос слышался лишенным одобрения или раздражения, как чтение инструкции по сборке. — Ты открываешься. Снова.

Они двигались по кругу, две одинокие тени, сплетающиеся в странном, воинственном балете на примятом гравии крыши. Миа отбивалась, злая, сосредоточенная, с стиснутыми зубами. Она знала, что проиграет. Она всегда проигрывала. Но в этой роли была ее собственная, горькая сила. Она оставалась его единственным по-настоящему живым спаррингом, подвижной мишенью, на которой Атлас оттачивал технику для турниров, что сулили заветные баллы для стипендии — их общего пропуска из Нордсайда.

Взамен он часами стоял краеугольным камнем в пирамиде чирлидеров, её бесстрашной опорой, позволяя ей отрабатывать трюки для её портфолио. Они были системой замкнутого цикла, двумя шестеренками в одном механизме выживания.

После очередного точного укола, холодным жалом вошедшего в плечо, Миа с рыком швырнула рапиру на старый матрас.

— Хватит! Это бессмысленно! Я тебе не ровня! — ее голос, сорвавшийся на высокой ноте, болезненно резко прозвучал в опустевшем небе.

— Выбора нет, — отсек Атлас, опуская клинок. — Или ты, или стена. Стена не контратакует.

Он развернулся и подошел к краю. Ржавая ограда впиалась в ладони. Миа, все еще тяжело дыша, прислонилась рядом. Внизу, у их ног, расползался Нордсайд — море тонущих в грязи огней, уродливые силуэты цехов и, вдали, сияющий иероглиф другого мира — центр Нордэма, ослепительный и недосягаемый.

Атлас повернул голову к сестре. В свете неона и угасающей зари его лицо было похоже на маску из бледного мрамора.

— Мы делаем то, что умеем, Миа. Мы будем пытаться. Будем ждать. — Он перевел взгляд на сияющий берег. — И когда появится шанс, мы будем готовы.

Атлас поднял рапиру, и острое, холодная серебристая точка, точно указало на сияющий город за рекой, словно мушка на прицеле.

— Мы оттуда, — повторил он, и в его голосе впервые прозвучала не надежда, а притязание. — Мы его заслуживаем.

Миа вздохнула, коротко и резко, будто делая последний выдох перед решающим прыжком. Затем наклонилась и подняла рапиру.

— Ладно. Еще раз. — Ее голос снова стал собранным и острым. — Но в этот раз я тебя достану.

Они снова встали в стойки. Две одинокие фигуры в ореоле городского света, отбрасывающие длинные, искаженные тени на гравий крыши. Два клинка скрестились с сухим звоном, разрезая вечерний воздух. Они отрабатывали удары,

вкладывая в каждый из них всю ярость, все отчаяние и всю веру. Удары, которые, как они верили, однажды проложат им дорогу в другой — отличный от их мир.

Не на том берегу

Рассвет в Нордэме был не триумфом света, а медленным, неохотным размыканием ночных покровов. Атлас выбежал на пустынные улицы Нордсайда, когда солнце лишь розовило копоть на восточных скатах крыш. Его кроссовки отбивали ритмичный стук по треснувшему асфальту Миллер-стрит — ровный, гипнотизирующий такт, заглушавший хаос в голове.

Бег был его метафизическим побегом. Единственным временем, когда он принадлежал себе, а не разобранным автомобилям, не восторженным трибунам и не смертельным расчетам. Он миновал громаду моста Пионеров — стального гиганта, чьи опоры упирались в их берег, а пролеты вели в сияющее царство стекла и бетона. Мост был похож на гигантский переключатель, замыкающий два разных мира.

Свернув в Айрон Энд на Причал Металлистов, Атлас попал в иную реальность. Воздух, еще не успевший пропитаться промышленной гарью, был свеж и влажен. Над водой клубился утренний туман, медленно отступая под натиском апрельского солнца, обнажая ржавые корпуса барж и начищенные до блеска рубки частных катеров. В небе с визгом носились чайки, устраивая базар над рыбными потрохами. Глухие гудки с реки звучали как эхо из другого времени — когда этот причал был полон жизни, а не превратился в музей

под открытым небом.

Атлас бежал по старой набережной, мимо вросших в бетон якорей и цепей, ограждавших пешеходную зону. Когда-то символы чего-то прочного и нерушимого, они теперь лишь ржавели, как и всё в этом городе.

Он замедлил шаг у знакомого ларька с выцветшей вывеской «Тако-Сан». Из открытого окошка валил пар, неся запах пережаренных кукурузных лепешек и мяса сомнительного происхождения — аромат, казавшийся инородным в утренней прохладе. Атлас иногда гадал, что сегодня в меню: голуби или чайки. Скорее, голуби. Чайки были жестче и отдавали рыбой — не лучшая рекомендация даже для Нордсайда.

— Эй, спортсмен! — крикнула ему дородная мексиканка Мария, вытирая руки о заляпанный фартук.

Атлас лишь молча помахал ей в ответ, сбавляя темп. Он никогда не покупал здесь еды. Дело было не в пустом кошельке — он просто знал слишком много о том, как она готовится. Но Мария была ему почти родной частью этого утреннего ритуала.

Он остановился у самого края причала, вцепился в ледяные звенья якорной цепи, ловя ртом воздух. Пар вырывался из его легких и растворялся в речном мареве. А по ту сторону Норд-Ривер лежал другой город. Не Нордэм, а его глянцева, отполированная витрина. Небоскребы делового центра подпирали небо, их стеклянные стены плавилась в лучах восхода, словно слитки чистого золота. Там жизнь подчиня-

лась иным законам. Законам, в которых слово «страховка» не было ругательством, отцы не угасали от рака, а матери не пропадали на двух работах лишь ради того, чтобы просто не сдохнуть с голоду.

Атлас сжимал цепь так, что кости белели на пальцах. Норд-Ривер была шире и глубже, чем казалась. Граница между «здесь» и «там». Между «выживанием» и «жизнью». Атлас ненавидел тот сияющий берег. Ненавидел его спокойную, сытую уверенность. Но больше всего он ненавидел то, как сильно туда хотел.

Они с сестрой нашли способ перепрыгнуть через эту реку, и все свои силы последние несколько лет вкладывали в этот план. Стипендия в Принстоне. За последние пару десятков лет в требования внесли столько пунктов о «разностороннем развитии» и «лидерских качествах», что у таких, как они, появился призрачный шанс. Крохотный, но другой город им не оставил.

Атлас делал ставку на фехтование и изобразительное искусство, Миа — на общественные работы и фортепиано. Проклятые пляски в аляповатых шмотках чирлидеров стали их общим вкладом в резюме. Вот только общественный центр, уютящийся в стенах отжившего мюзик-холла «Монарх», доживал последние дни. Атлас мог фехтовать на крыше и рисовать дома, а Мие не повезло. Ни у кого в Нордсайте не стояло дома настроенного пианино. Ей приходилось подрабатывать в церкви, чтобы иметь возможность играть на

их старом «Стейнвее», иначе навык ржавел. Мастерство, как лезвие, требовало постоянной точки. Атлас знал это лучше всех.

Он с силой оперся о холодные звенья цепи, глядя на маслянистую воду. Мысли об их хрупком плане были прерваны хриплым голосом.

— Че, парень, смотришь, как богатые завтракают? — это был Луис, старый рыбак и постоянный обитатель причала. Его смуглое лицо было испещрено морщинами, будто карта всех штормов, что он пережил. В Нордсайте редко доживали до таких лет, но Луису это удалось. — Держи, жена наготовила, не пропадать же добру. — Он протянул сандвич в воощеной бумаге.

Выглядел он куда заманчивее, чем дым из «Тако-Сан». Пахло свежим хлебом и чем-то съедобным. Возможно, внутри была даже не голубятина. Атлас, не колеблясь, взял еду.

— Спасибо, Луис. Передай Этель спасибо.

Здесь, на причале, между ними не было ни возраста, ни цвета кожи. Были только двое с одного берега, глядящих на чужое благополучие.

— Она тебя по утрам видит, все говорит – «этот мальчик, как призрак, бежит и ни разу не улыбнется».

— Я и есть призрак, — хмыкнул Атлас, вгрызаясь в сэндвич.

— Ну, призрак, — Луис хитро сощурился. — Кажется, к

тебе твои живые.

Атлас обернулся. По набережной к нему спешила Джулия, толкая перед собой коляску. Даже после бессонных ночей и вечной усталости она была ослепительно красива. Ее темная кожа на утреннем солнце отливала медью, а лицо, обычно отмеченное заботой, сейчас озаряла улыбка.

В коляске сидел Эй-Джей. Малыш, в котором причудливо смешались черты двух рас — кудряшки цвета темного меда, щеки булочками и... глаза. Серые, бездонные, холодные. Глаза Вулфов. Такие же, как у Атласа, как у его брата Ашера. Семейная черта их «волчьего выводка», пробившаяся сквозь все наследственные барьеры. Увидев дядю, малыш радостно залопотал и потянулся к нему пухлыми ручками.

Атлас наклонился и легко подхватил племянника. Ребенок крепко вцепился маленькой ладонью в его пропотевшую майку.

— Вот это рост! Скоро с тобой в баскетбол играть будем, — голос Атласа наконец смягчился, в нем появились несвойственные, теплые нотки. — Будешь играть с дядей, Эй Джей?

Он защекотал ребенка, и тот заливисто засмеялся. Лишь потом Атлас поднял взгляд на Джулию.

— И тебе привет, Джулс, — приветствие запоздало, но он сгладил это неловким, стремительным поцелуем в щеку.

— Как вы? — спросила Джулия, поправляя одеяльце в коляске. Ее взгляд снова стал серьезным, врачующим. — Справляетесь? Как папа? Нужны лекарства?

— Справляемся, — коротко ответил Атлас, покачивая племянника на руках. Стандартная, отработанная фраза. Он видел, что Джулия не верит. Она знала цену их «справляемся».

— Шарлотта... — имя свекрови Джулия произнесла осторожно, будто пробуя на вкус рану.

Атлас покачал головой, все еще глядя на племянника.

— Она из Вулфов, Джулс. Ей нужно время. Свыкнуться.

«Свыкнуться» было колоссальным преуменьшением. Род Вулфов уходил корнями в туманные предрассудки и кодекс чести, написанный кровью. Выбор старшего сына, Ашера, стал для Шарлотты не радостью, а ударом по самой основе ее мира. Смещение кровей она восприняла не как рождение новой жизни, а как предательство старой. Глупо. Мать даже не представляла, сколько теряла. Она лишала себя вот этого — возможности подержать на руках внука, чей один-единственный смех мог растопить лед в любом сердце. Но Шарлотта Вулф не переступала порог их дома. Даже рождение Эй-Джея не сдвинуло ее с мертвой точки. Для нее внук был не плотью от плоти, а живым укором, вечным напоминанием о сыне-«перебежчике».

— Знаю. Ничего не изменилось, но, — Джулия порылась в сумочке и достала несколько свернутых купюр. — Возьми, Атти. Хоть на что-то. На что угодно...

Он резко покачал головой, аккуратно возвращая малыша обратно в коляску.

— Нет. Ты лучше отложи это для себя. И для него, — он кивнул на племянника. — Черный день еще никто не отменял. А у вас он может наступить в любой момент.

Он посмотрел на Джулию, и в его глазах мелькнуло что-то тяжелое, предостерегающее.

— Скажи ему... Скажи Ашеру, чтобы был осторожнее. Бизнес Романо... — Атлас запнулся, подбирая слова. — Это не армия. Здесь не уходят в отставку. Понимаешь?

Он видел, как дрогнуло ее лицо. Джулия все понимала. Возможно, даже больше него.

— Побегу, — бросил Атлас, чмокнув ее в щеку.

Он развернулся и рванул с места, обратно в сторону Миллер-стрит, оставив Джулию с Эй Джейем на фоне сияющего, равнодушного города. Он бежал, чувствуя, как тяжесть взрослых проблем, чужих и своих, впивается в плечи острыми когтями. И единственным ответом был бег. Все быстрее. Пока ноги не онемеют, а мысли не перестанут мучить. Его кроссовки отбивали дробный ритм по плитам набережной, но сегодня бег не приносил облегчения. На перекрестке с Кей-стрит он замедлился, переводя дыхание, и его взгляд автоматически упал на бар «Халф-Вулф».

Заведение еще не открылось, но у входа, словно нарочито небрежный граффити, кучковалась банда байкеров. Косухи, испещренные нашивками, закатанные рукава, обнажавшие поплывшие армейские татуировки, кривые, лишенные веселья усмешки. «Бешеные Псы». Они давно стали частью пей-

зажа Нордсайда — грубой, грязной частью.

Атлас замер, став невидимым зрителем. Его сердце, уже выбивавшее дробь от бега, участило ритм, перейдя на тревожную, знакомую симфонию. Один из байкеров, массивный, с каменным, непроницаемым лицом, отделился от стаи, прислонившись к стене. Он снял шлем.

На солнце блеснули знакомые черты. Ашер. Его старший брат. Икар, чьи крылья — обшивка F-16 — вспыхнули над сирийской пустыней. Тот, кто улетел героем в униформе, вернулся в коже, пропахшей бензином и чужим страхом. Ашер поднял голову, и его взгляд — тяжелый, усталый, выжженный — нашел Атласа через улицу. На долю секунды в глубине его серых глаз мелькнула искра — не то признания, не то немого предупреждения. Затем — короткий, едва заметный кивок. Язык их племени.

Атлас ответил тем же. Ни улыбки, ни приветствия. Лишь констатация: *«Я тебя вижу. Ты меня видишь. Мы по-прежнему на одном берегу грязной реки, только ты уже по ушам в ней».*

Он развернулся и побежал прочь, чувствуя спиной вес этого взгляда. Икар, обжегшийся о солнце, теперь носил его изображение на плече, отбитый иглой в кожу. Сейчас она пряталась под рукавом куртки, но Атлас знал, что она там есть. Его же собственный карандашный набросок, который Ашер когда-то назвал «слишком пафосным», теперь навеки вколотен в его плоть. Ирония судьбы? Или крик? Рисовать

можно было на чем угодно. И за это, как выяснилось, платили куда лучше, чем за картины на холстах для приемной комиссии Принстона.

Дом встретил стерильным запахом дезинфекции, въевшимся в стены, и гнетущей тишиной, которую не решались нарушить даже доносящиеся с улицы звуки. Матери уже не было — она растворилась в утренней смене, чтобы к вечеру уйти на вторую. На плите, в исцарапанной эмалированной кастрюле, его дожидалась овсянка. Сваренная на воде. Безвкусная, серая масса, топливо для существования, а не еда для жизни. Атлас с отвращением отставил кастрюлю в сторону. Иногда даже животный инстинкт выживания сдавался перед тошнотворной беспросветностью этого бытия.

Из спальни бесшумно вышла Миа, на ходу заплетая растрепанные волосы. Ее лицо было прозрачным от усталости, под глазами залегла густая тень.

— Где ты был? — ее голос сорвался на резкую, материнскую нотку. — Опять на набережной? Почему один?

Атлас, все еще переводя дух, покачал головой.

— Тебе нельзя. Одной — тем более.

— Я не фарфоровая кукла! — вспыхнула она, ее глаза сверкнули обидой.

— Дело не в хрупкости, — его голос оставался ровным, но в нем зазвучала сталь. — Речь о том, что ты белая девушка в Нордсайде. Нельзя. Даже местной. Одна на пустынной набережной. Ты хочешь, мы опознавали твой труп? — Он

посмотрел на нее прямо. — Бегай на школьном стадионе. За забором. Это безопаснее.

Миа сжала губы, понимая, что он прав, но ненавидела эту правду. Она ненавидела все эти ограничения, эту невидимую клетку. Такова их натура. Полуволки любят свободу. Они навсегда останутся дикими. Они могли прикидываться ручными, терпеливо ждать, подставлять шею для ошейника. Но в их крови навсегда оставалась тоска по воле, а в пасти — привкус будущей крови. Они всегда держали нос по ветру, вынюхивая малейшую возможность. И когда она представится, не задумываясь перегрызут глотку сторожевому псу и укусят протянутую руку, лишь бы вырваться на свободу.

— Ладно. А ты идешь в школу? — спросила она, меняя тему.

— Да. А ты?

— Моя очередь смотреть за отцом, — она кивнула в сторону закрытой двери спальни. — Он еще спит. Встретимся на игре.

Атлас всегда удивлялся, как ей это удавалось. В ее дежурство отец всегда спал беспробудным сном. Атлас молча подошел к двери их комнаты и приоткрыл ее. В полумраке угадывалась фигура на кровати, неподвижная и хрупкая. Воздух был густым и спертый, пах лекарствами и болезнью. Он смотрел на эту дверь, за которой медленно угасал его отец, и чувствовал, как знакомое, холодное бешенство подступает к горлу. Они не могли так больше. Они не могли позволить

ему умирать в этой комнате, пока они едят овсянку на воде и боятся лишний раз выйти на улицу.

«Скоро, — подумал он, глядя на дверь. — Это скоро закончится. Или мы все выберемся. Или сгорим, пытаясь».

Правила территории

Косые солнечные лучи пробивались сквозь запыленное окно школьного коридора. Они не освещали, а лишь подсвечивали — взвесь пылинок, клубящуюся в воздухе, пропитанном кислым коктейлем из запахов: истоптанный линолеум, дешевый дезодорант, въевшийся в стены дух немытого фритюра. Атлас стоял, прислонившись лбом к прохладному стеклу. Внутри него была та же вибрация, что и в моторе разбираемой «Хонды» — ровный, подавленный гул. Взгляд сфокусировался на мухе. Она билась о стекло с истошным, яростным упорством: жужжала, отскакивала, замирала на секунду и снова бросалась в атаку, ударяясь о невидимую преграду. Ее маленький мир ограничивался этим коридором, а там, за стеклом, простирался Нордэм — серый, величественный, равнодушный. Дымовые трубы, словно обугленные пни после пожара, гранитные шпили ратуши, уколотившие небо, трезубец статуи Посейдона у одноименной гостиницы на Оушен-авеню — немые свидетели времен, когда город еще не научился мечтать.

«*Бьется*», — констатировал внутренний голос Атласа, холодный и четкий. *Как мы. Как все они.* Он не чувствовал жалости к насекомому, лишь холодное, аналитическое понимание. Они с мухой были частицами одной системы, заброшенными в неправильную точку координат. У них остава-

лось лишь два алгоритма существования: самоуничтожиться, разбившись в лепешку, или найти уязвимость. Слабое место в стекле, незаметную щель в раме. Или — самый эффективный, но и самый рискованный путь — дожидаться, пока кто-то с той стороны приоткроет форточку. А если не дождешься... значит, нужно научиться открывать ее самому. Ломом, монтировкой, зубами. Любой ценой.

— Эванс, не спи! На выход! Автобус ждет!

Голос тренера Донована, сиплый от многолетних криков на поле и сигарет, врезался в его размышления. Атлас оттолкнулся от стекла, оставив на нем жирный отпечаток лба. Муха, воспользовавшись моментом покоя, забила в угол.

Автобус. Когда двери с шипением захлопнулись, Атлас почувствовал не облегчение, а смену одной клетки на другую. Консервная банка на колесах, вонявшая бензином, потом и нестиранной одеждой, вывалил их у подножия школы, больше похожей на дворец из стекла и полированного металла. «Нордсайдские Вороны» вышли навстречу холодному ветру и любопытным, брезгливым взглядам учеников, толпившихся у входа. Облаченные в привычную для улиц «вторую кожу» — потертые джинсы, толстовки с капюшонами, куртки-косухи, выходцы из Нордсайда виделись кучкой сметенного мусора.

Атлас провел ладонью по безупречно гладкой, холодной стене. Такой чистоты он не видел даже в госпитале. Вся их ярость, вся злоба, которую они привезли с собой из гетто,

казалась здесь неуместной, мелкой. Ее поглощала эта давящая, удушающая идиллия. И от этого ненависть становилась только острее. Раздевалка для гостей поражала стерильным, почти больничным порядком. Пахло не просто хлоркой, а дорогим антисептиком с легкой отдушкой, словно здесь не просто мылись, а проводили дезинфекцию после чумы, которой для них, видимо, и был Нордсайд. Скамейки не просто были целыми, а без ни единой царапины. Замки на шкафчиках блестели, как инструменты в операционной. В горле встал ком — не просто зависть, а чувство глубочайшей, унижительной несправедливости.

Атлас молча, механически переодевался. Голос тренера Донована, пытавшегося что-то бодрящее кричать, доносился словно сквозь вату, тонул в гулком, равнодушном эхе чужого пространства. Эванс снял свою заношенную, пропахшую бензином толстовку и надел майку чирлидера. Ярко-синяя, ослепительно блестящая ткань резала глаза. Атлас поймал свое отражение в зеркальной поверхности шкафчика: искаженное, размытое лицо. Парень с руками, привыкшими крутить гайки и держать рапиру, облаченный в клоунский, кричащий наряд. Абсурд? Нет. Инвестиция. Химическая формула их спасения. У Мии в запасе еще год. У него — считанные месяцы. Этот клоунский наряд был ценой, и он был готов ее заплатить.

Дверь распахнулась без стука, впуслав гул трибун. На пороге стояла Миа, уже переодетая. Короткая юбка, обтягива-

ющая майка. На вешалке этот костюм выглядел бы вызывающе, но на Мие, с ее субтильной, хрупкой фигурой, форма казалась костюмом, надетым на не по годам серьезного ребенка. Ее детская худоба, которую не могли победить годы, теперь была прошита стальными нитями мышц.

— Атти, пошли, — ее пальцы, холодные и цепкие, впились в его запястье. Не просьба, а команда. Приказ спастись бегством из этой стерильной ловушки.

Они выскочили через боковую дверь, и на них обрушился оглушительный гул. Трибуны зала, полные людей, местные болельщики, одетые в дорожную форму цветов их команды — малиновый и белый, — смотрели на нордсайдцев не как на соперников, смотрели на них как на диких зверей из зоопарка. Чирлидеры команды хозяев: девушки с одинаковыми улыбками-масками, идеальными укладками и имплантами, выполняли сложные, отточенные пирамиды. Их тела, отшлифованные до глянцевого блеска, выписывали сложные, выверенные до миллиметра пирамиды. В их движениях безупречная синхронность дорогих аниматоров, но ни капли души — только результат вложенных инвестиций и труда персональных тренеров. Они были живым воплощением того самого «светлого будущего» за рекой — красивым, холодным и абсолютно недостижимым.

Тренер чирлидеров Нордсайда, миссис Эверетт, женщина с лицом, на котором нервный тик боролся с остатками бывшего энтузиазма, собрала свою разношерстную группу. Ее

взгляд скользнул по лицам — вымученно-бодрым, напуганным, отрешенным.

— Запомните, вы здесь не для них, — ее голос пробивался сквозь нарастающий гул, как шепот сквозь ураган. — Вы здесь для наших парней. Делайте то, что отработывали. Просто делайте. И постарайтесь не смотреть на трибуны.

— Готов? — Миа встала рядом с Атласом, вжимаясь плечом в его руку. Ее пальцы были сжаты в кулаки так, что тонкие костяшки выпирали, белые от напряжения, как у мраморной статуи.

— Всегда, — коротко бросил он. «Система активирована. Механизм готов к работе». Мысли текли ровным, холодным потоком, заглушая внешний хаос.

Воздух в зале не вибрировал — он кипел. Рев трибун, оглушительные завывания школьного оркестра, пытавшегося усмирить эту стихию маршевым ритмом, — здесь царил неконтролируемый выброс чужой энергии. Ровный гул конвейера в «Нордвинде» был предсказуем. Это — нет.

Мимо, запыхавшийся, с лицом, лоснящимся от пота и азарта, промчался Джером в промокшей насквозь форме. Его мощное тело было разгорячено игрой. Увидев Мию, он на бегу широко, по-мальчишески расплылся в улыбке. Искренней, открытой. Слишком человеческой, что казалась неуместно в лихорадке конкурентной борьбы. И в отлаженном механизме Атласа что-то щелкнуло. Его взгляд, секунду назад расфокусированный, мгновенно нашел цель: улыбка,

направленная на сестру. Задержка взгляда на доли секунды дольше стандартного дружеского жеста.

«Посторонний сигнал. Несанкционированное вмешательство в работу системы». Холодная игла ревности, острая и абсолютно иррациональная, кольнула где-то глубоко внутри. Джером был другом. Братом. Но Миа была его кровью. Его тенью и самым уязвимым звеном. Критически важным, калиброванным компонентом в хрупком механизме их побега. Никто не имел права вносить в его расчеты эмоциональные переменные, создавать лишние вибрации, угрожающие стабильности всей конструкции.

— Пошли, — его голос прозвучал ровно, статично, заглушая внутренний сбой.

Атлас взял сестру за локоть. Пальцы, привыкшие сжимать металл, сомкнулись с нежной, но неоспоримой твердостью стального захвата. Не ведя, а направляя. Перемещая деталь на положенное ей место. Атлас повел ее к остальной группе, под ослепительные, выжигающие душу огни прожекторов — туда, где она должна была излучать радость, которую не чувствовала, и кричать за команду, за школу, за округ-труп, который медленно разлагался у них за спиной, пока они строили свой хлипкий мост к спасению.

Воздух в зале сгустился до состояния бульона — тошнотворного, насыщенного криками и адреналином. Для Атласа этот грохот был статикой, белым шумом, который его сознание отсекало, как отсекало все нерелевантное: сентимен-

тальность, сомнения, чужое одобрение. Он видел только геометрию: разметку площадки, позицию сестры, свисток тренера, режущий слух, как сигнал к атаке. Все остальное было помехой.

Группа рванула вперед, изображая единство. Улыбки, натянутые и блестящие, как дешевый пластик, кричали заученные речевки — все это спектакль. Но сила, скрывавшаяся за ним, ощущалась абсолютно реальной. Музыка гремела из колонок: примитивная, с тяжелым битом. Атлас презирал ее, но тело понимало ритм — он был сродни ритму работы гайковерта, ритму ударов сердца в груди перед схваткой. Эванс двигался синхронно с другими, его ноги отталкивались от упругого покрытия с силой, которой позавидовал бы любой спринтер. Прыжки, перестроения — разминка, предпусковая проверка систем.

И вот настал их коронный номер. Пирамида. Основа — самые крепкие. Атлас со спиной, кованной на переноске моторных блоков, стал незыблемой центральной опорой. Он принял стойку, колени — амортизаторы, руки, сложенные в «замок» — стальная арматура. Взгляд нашел Мию.

Та сделала три стремительных шага-выпада. Маска чирлидерши испарилась, обнажив то же лезвие-внимание, что жило в ее глазах перед уколом рапиры. Ее хрупкость самая настоящая обманка. Каждый мускул — струна, натянутая до предела. Легкий, взрывной толчок — и она взмыла вверх. Не как человек, а как клинок, наконец-то извлеченный из но-

жен. Ступни точно, без единой вибрации, встали Атласу на плечи. Он не дрогнул. Даже не почувствовал веса.

Трибуны взревели. Атлас и Миа застыли в немой точке: он — скальный фундамент, она — устремленный в небо шпиль. Она выпрямилась, вонзив поднятые руки в потолок зала, будто пронзая его. Выбившаяся прядь волос трепетала, как единственное свидетельство того, что это все еще живая плоть, а не машина. В этот миг они перестали притворяться. Они стали тем, чем и были всегда: единым смертоносным механизмом, отлаженным годами голода, ярости и одной, выжженной в ДНК цели — вырваться.

Время третьего акта: исполнение «броска красоты». Не просто трюк. Полет. Мгновение горькой, прекрасной клеветы на законы гравитации и реальности, будто от нее вправду можно оттолкнуться. Худое и гибкое тело сестры описало в воздухе идеальную дугу, чтобы затем коснуться пола — не рухнуть, а опуститься, словно перо, без единого лишнего движения. Беззвучно. С филигранной, пугающей точностью.

Атлас поймал ее взгляд в момент, когда ее ноги коснулись пола. Ни улыбки, ни одобрения. Лишь короткий, едва заметный кивок, понятный только им двоим. «Система в норме. Механизм работает. Продолжаем».

Толпа бесновалась на трибунах, но для них это было просто зрелище. Яркое и энергичное. Для Атласа и Мии их выступление всегда становилось демонстрацией главного оружия — той дикой, животной силы и абсолютного доверия,

которые они, как воры, вынесли из гетто и отполировали до смертоносного блеска под ярким светом софитов. Они знали — эти навыки пригодятся не только для стипендии. Когда-нибудь они понадобятся для чего-то гораздо более важного. И гораздо более опасного.

Триумфальное безумие на площадке растворилось, сменившись удушающей, пропитанной чужим потом и запахом мыла в гостевой раздевалке. Воздух вибрировал от грохота металлических шкафчиков и возбужденных голосов. «Вороны» совершили невозможное — выиграли на выезде у фаворитов, но здесь, в этом тесном, чужом пространстве, эйфория мгновенно испарилась, уступив место примитивным законам территории. Победа на площадке не отменяла иерархии за ее пределами.

Атлас снимал майку чирлидера, когда у его шкафчика возникла тень. Не просто человек — препятствие. Во главе стоял блондинистый и долговязый тип. На голову выше Атласа, с волосами, уложенными с дорогой небрежностью, и глазами цвета ледяной крошки. От него за милю несло деньгами и уверенностью, купленной ему с пеленок. Он и его кореша, такие же лощеные щенки, смотрели на Атласа с откровенным, безгловым любопытством, будто рассматривали насекомое, посмевшее заползти в их мир.

— Внимание на центр зала, — насмехался блондинчик. — Наш акробат. Скажи, а в вашем цирке Нордсайда все такие... разносторонние? Или ты один умеешь скакать под му-

зыку?

Его друзья ухмыльнулись. Атлас продолжил расстегивать наплечники, его движения оставались плавными и экономичными, как при разборке механизма. Он отвернулся к шкафчику и чувствовал, как насторожились «Вороны».

— Смотрю, тебе особенно понравилось, — Атлас даже не повернулся. Для него такие мусор — огородное пугало с папиными деньгами вместо мозгов. — Жалеешь, что сам не записался? Могу поговорить с тренером. У нас демократично.

— О, спасибо, я пас, — блондин фальшиво улыбнулся, сверкнув ровными зубами.

— Зря. Тебе бы пошло, — Атлас бросил на него быстрый, сканирующий взгляд через плечо. «Цель: одна. Угроза: минимальная. Вердикт: неисправность, требующая устранения».

— Увы, не танцую, как девка, — слово повисло в воздухе, тяжелое и липкое.

В раздевалке стало тихо. Гомон сменился на тихие шепотки. Шум душа и общий гул внезапно отступили, будто кто-то выключил звук. «Вороны» начали медленно обступать мажоров и приготовились к драке.

Блондин, ободренный вниманием, сделал шаг вперед. Tактическая ошибка. Атлас щелкнул замком шкафчика и медленно, с почти театральной неспешностью, повернулся. Лицо противника превратилось в абстрактную мишень — набор точек для воздействия.

— Повтори, — Атлас посмотрел блондинистому прямо в глаза.

Одним жестом, резким и отсекающим, он остановил своих. «Моя цель. Мое устранение». Он лишь чуть склонил голову набок, продолжая сканирование. Его тело излучало расслабленность, но каждый мускул уподобился сжатой пружине. Он видел, как напряглись плечи противника, сжались кулаки, дрогнул подбородок. «Эмоциональная нестабильность. Плохой контроль».

— Пляшешь, как... — начал блондин, голос его дрогнул от натужной бравады.

Но мир для Атласа уже перешел в режим замедленной съемки. Он увидел лишь микродвижение — плечо оппонента подалось вперед, тело инстинктивно готовилось к толчку или удару. Этого было достаточно. «Угроза идентифицирована. Запуск протокола нейтрализации».

Атлас не стал бить — слишком примитивно, слишком эмоционально, удел тех, кто не умеет думать. Тело среагировало само, запустив программу, отточенную в переулках Нордсайда и доведенную до идеала на тренировках с рапирой. Его рука рванулась вперед. Не для кулака. Для захвата. Пальцы, привыкшие сжимать рукоять инструмента, впились в мягкую кожу дорогого ремня. Атлас резко провернулся спиной к противнику, его корпус стал идеальным рычагом, и одним коротким, взрывным движением — протокол подавления сопротивления — он перебросил мажорика че-

рез бедро. Тот тяжело рухнул на кафедру, и воздух с шипом вырвался из его легких.

Попытка резко подняться предсказуема. Атлас, не дав опомниться, точным движением ноги, как монтировкой, выбил из-под противника опорную руку. Надменная физиономия снова шлепнулась о пол. Нога Атласа приземлилась точно между лопаток, пригвоздив тело к земле. Схватив выбитую руку, он заломил ее в болевом, превращая конечность в рычаг, готовый сломаться под расчетным давлением.

— Повтори, — его голос был лишен тона, как голос компьютера, мысленно вычислявшего угол следующего, калечащего рывка. «Винтовой перелом. Несовместим с баскетболом».

— Ах ты сучье отродье! Я тебя...

Атлас начал выкручивать руку, но его отвлекла железная хватка за плечи.

— Эй, братан! Стоп! Хватит!

Джером. Его голос, обычно громовый и простодушный, теперь обрел несвойственную ему твердость и плотность. Мощные руки, еще мокрые после душа, легли на плечи Атласа, готовые оттащить его, но пока лишь удерживая.

— Все, хорош!

— Назови причину, — с тихим, ледяным злорадством Атлас добавил давления на сустав. Блондинчик заверещал.

— Ты знаешь, кто его батя?! — в голосе Джерома прорвалась тревога. Не за этого щенка, а за Атласа. За их всех.

— Ларссон, — прошипел Атлас.

Рожу блондина сложно было не узнать. Лиам Ларссон, чьи родители были едва ли не хозяевами города на правах основателей. Знание лишь подлило масла в огонь, пробудив в Атласе дикую, радостную злобу. Сломать руку принцу с серебряной ложкой во рту, превратить его будущее в гипс и боль — перерастало в навязчивую идею. С растекавшимся по груди чувством торжества, он сделал новый, более жесткий рывок. Ларссон взревел. Еще мгновение — и хруст кости стал бы неизбежным финалом.

— Тогда я тебя *прошу*, Атлас, — в голосе Джерома слышалась не тревога, а мольба. Настоящая, горькая. — Не надо, брат. Пожалуйста.

Эванс закрыл глаза, глубоко вдохнул и выдохнул. Секунда, другая. Один поворот — и Ларссона увезут на неотложке. Про баскетбол он забудет на годы, а может, и навсегда. Но... Джером попросил. Не приказал, не осудил — попросил.

— Пожалуйста, — повторил Мастерс, сжимая руки, способные сорвать Атласа с места бумажным листом.

И механизм подчинился. Не из страха, а из-за сбоя, который не был учтен в его логике — человеческой лояльности. Он выпустил заломленную руку, но тут же, движением все того же хищника, схватил Ларссона за волосы, задрал его голову и пригнулся к самому уху, прошипев так, чтобы слышал только он:

— Запомни. И Расскажи всем, как тебя уделала девка,

Ларссон.

Он разжал пальцы, с отвращением толкнув белобрысого в затылок, и поднялся на ноги. Ровно, без дрожи, даже не сбив дыхания. Будто только что вышел из состояния глубокой концентрации, а не был в полушаге от того, чтобы навсегда искалечить человека. Он посмотрел на Джерома. Ни слова благодарности, лишь короткий, понимающий кивок. «Помеха устранена. Система стабилизирована».

— Черт возьми, братан, ты чо творишь ваще? — Джером смотрел на него не с осуждением, а с животным страхом, будто увидел, как его друг, не моргнув глазом, шагнул с обрыва. — Он мразь, да, но ты... ты же его на куски порвал бы.

— Он назвал меня девчонкой, — голос Атласа был плоским, как отчет о погоде. Ни злости, ни оправданий. Чистая констатация: «Факт установлен. Причина действия определена».

— Он назвал меня девчонкой, — в голосе Атласа чистая констатация факта. Была лишь констатация факта, как если бы он сказал «пошел дождь».

— Воу, — Джером провел рукой по лицу. — Это он зря, конечно. Но они продули и на взводе. Не надо было лезть.

Атлас посмотрел на друга. На того, кто только что спас Ларссона от инвалидности, а его — от краха всех планов. В его глазах мелькнула не благодарность, а холодное осознание: этот простодушный великан был единственным, чей голос смог прошипеть сквозь белый шум ярости. «Сбой в си-

стеме. Неучтенная переменная "Лояльность"».

— Он лез ко мне, — поправил Атлас и направился в душ, не удостоив ошеломленную толпу ни единым взглядом.

В гробовой тишине, нарушаемой лишь шипением воды и сдавленными всхлипами Ларссона, все теперь видели его иным. Он был не просто белым парнем из гетто. Он был диким зверем, которого ошибочно загнали в клетку с ручными животными. Тот, кого лучше не дразнить. Свои в Нордсайте это знали. Но теперь, что было даже важнее, все здесь поняли: у него есть друзья, чью просьбу он готов услышать даже в самом пылающем эпицентре своей ярости.

Струи горячей воды смывали с него липкий пот и кислоту чужих взглядов, но не могли смыть осадок. Под ревом воды его внутренний процессор завершил анализ. «Событие: конфликт с целью «Ларссон». Результат: демонстрация превосходства. Побочный эффект: эскалация вражды с высокостатусным противником. Вердикт: риск оправдан. Угроза нейтрализована на тактическом уровне, однако на стратегическом — создана новая».

Он не чувствовал ни триумфа, ни раскаяния. Только холодную уверенность в том, что его инстинкты сработали безотказно. Этот сияющий мир, оказывается, понимал тот же язык, что и переулки Нордсайда — язык силы. Сегодня он доказал, что его сила грубее, острее и беспощаднее.

Атлас выключил воду. Воздух раздевалки, все еще звенел от невысказанных угроз и подавленного страха. Он шел че-

рез эту новую, хрупкую реальность, которую только что выковал, и чувствовал, как с него спадает старая, тесная кожа чирлидера и примерного ученика, обнажая стальную чешую хищника. Пусть боятся. Так проще. Так безопаснее для него и для Мии.

Впереди его ждал обратный путь в Нордсайд. В гетто, которое внезапно показалось ему не тюрьмой, а крепостью. Единственным местом, где его ярость была не аномалией, а нормой выживания. А за рекой, в сияющем городе, у него теперь был личный враг. И Атлас Эванс всегда знал, что с врагами нужно делать. Либо обходить. Либо ломать. Третьего не дано.

Лёд

Возвращение в «Нордвинд» после школьной вакханалии чувствовалось погружением в иную реальность. Не в чистую, а в подлинную. Никакого притворства. Только работа. Здесь не требовалось скалить зубы в фальшивой улыбке или сжимать челюсти, сдерживая кипящую под кожей ярость. Только металл, въедливый запах машинного масла и простая, честная математика выживания. «Разобрать. Оценить. Продать. Выжить». Вечный, успокаивающий цикл. Снова и снова.

Они с Мастерсом принялись за нового «клиента» — темно-синий внедорожник, угнанный, судя по свежим царапинам на замке, прошлой ночью. Салон еще хранил призрачные следы чужой жизни: сладковатый запах дорогого парфюма, аромат качественной кожи. Эти запахи были как послание из того сияющего мира — мира, который кто-то, возможно, покинул навсегда прошлой ночью на какой-нибудь освещенной улице. Джером, как обычно, ковырялся под капотом, а Атлас с хирургической аккуратностью извлекал из салона все, что имело ценность: магнитола, подушки безопасности, даже коврики.

— Смотри-ка, — прозвучал приглушенный голос Джерома из-под капота. — Запасное колесо новое, ни разу не катаное. Странно для такой тачки. Как будто его сюда специ-

ально положили.

Эм уже выкатил колесо из ниши под багажником. Оно действительно выглядело чужеродно — слишком чистым, слишком новым на фоне обшарпанного внедорожника. Атлас провел рукой по холодному ободу, потом по протектору. Его пальцы, привыкшие считать малейшие неровности металла, наткнулись на едва заметный шов на внутренней стороне покрышки. Не заводской дефект. Аккуратный, почти невидимый шов, сделанный рукой профессионала. Рукой, которая знала цену скрытности.

— Дай монтировку, — его голос прозвучал ровно, но внутри что-то насторожилось.

Эм молча подал инструмент. Атлас упер тонкий конец в шов и, приложив точное, выверенное усилие, вскрыл резину. Разрез получился идеально ровным, как будто он вскрыл не шину, а консервную банку. Внутри, вместо камеры, лежал плотно упакованный кирпич, обтянутый в несколько слоев полиэтилена. Белый, полупрозрачный кристалл просвечивал сквозь прозрачную пленку, словно ядовитый лед, мерцающий в тусклом свете гаража.

— Что это?.. — Джером ахнул, отшатнувшись.

Атлас не ответил. Его лицо осталось каменной маской, но внутри все оборвалось, замерло в ледяной пустоте. Он быстро, почти лихорадочно, проверил остальные колеса. Во втором был такой же кирпич. И в третьем. Только четвертое оказалось пустым. Партия, которой хватило бы, чтобы снаб-

жать пол-Нордсайда полгода. Или чтобы отправить на дно Норд-Ривер в бетонных тапочках десяток таких, как они.

Воздух в гараже заledenел. Даже вечный, привычный скрежет металла и шипение пневматики будто затихли, подавленные невыносимым весом находки. Тишина стала оглушительной.

— Мать ее перемать... — прошептал Джером, отступая на шаг, будто от раскаленного металла. Его доброе, простое лицо исказило животным, первобытным страхом. Он смотрел не на потенциальные деньги, а на собственную смерть, разложенную на грязном, замасленном полу. — Это же... Это же лёд, Атти! Чистый, сакэ! Дохера бабла... Нас сейчас просто порешат, как щенков! По-тихому, даже не узнаем, откуда ждать!

Атлас стоял неподвижно, глядя на четыре кристаллических кирпича. Он не видел денег. Он видел проблему. Высококонтрактированную, смертоносную проблему, способную в одно мгновение обратить в прах все его хрупко выстроенные планы, его мост через реку, его и Мии будущее.

«Чей товар? Кого подставили? Кто будет его искать?» — вопросы проносились в голове, как шрапнель, каждая — без ответа, каждая — с отдачей страха.

— Так давай узнаем, сколько именно, — его собственный голос прозвучал чужим, плоским, будто доносящимся изпод толщи воды.

Он медленно оглядел гараж, выискивая невидимые глаза

камер, тень за дверью, любой признак того, что за ними уже наблюдают. Его мозг, всегда работавший с холодной логикой разборки и сборки, теперь лихорадочно перебирал варианты.

Сдать копам? Самоубийство. Либо заберут товар и спишут на них, либо станут мишенью для тех, кто его ищет. Выбросить? Их все равно найдут. По клокам соберут. Они — муравьи, нашедшие сахарную голову. Любой, кто ее уронил, раздавит, не заметив. Старик Хендерсон? Он сольет их первым, чтобы сохранить свою потрепанную шкуру.

Атлас посмотрел на Джерома, на его перекошенное страхом лицо, на кирпичи, лежащие перед ними. Кое-что из своего небогатого, но сурового детства Эванс усвоил назубок: если обделался — не лезь в герои, не пытайся быть умнее всех. Ложись на дно и не мешай профессионалам, которые мастерски умеют убирать дерьмо. А это, что лежало в его рюкзаке, было дерьмом редкого, элитного сорта. Оставалось найти тех, кто специализировался на утилизации именно этого — редкого и смертельного — сорта. Атлас знал многих обитателей дна Нордсайда, но доверял единицам. Из двух полуволчат, выросших в этой грязи и знавших ее запах с детства, он мысленно выбрал того, с кем делил когда-то не только кров, но и утробу.

Заброшенная котельная в сердце промзоны была их штабквартирой, логовом, убежищем. Место, выбранное по принципу «подальше от чужих глаз, ушей и совести». Стены, по-

крытые многослойными, выцветшими шедеврами уличного искусства, глушили звуки так же надежно, как и гул ветра в ржавых артериях гигантских труб. Сейчас этот гул прерывали короткие, глухие хлопки, от которых в пустых глазницах окон звенели осколки стекла.

Джейсон, высунув язык от сосредоточенности, целился из тяжелого «Глока» в ряд ржавых банок на сгнившей балке. Оружие в его руках выглядело инородным телом: непослушным и грубым. Очередной выстрел — и банки остались невредимы, лишь заставив эхо покатиться по запыленному цеху.

— Эй, «Шарпшутер», дай-ка сюда, — Миа выхватила пистолет у него из рук одним резким, почти грабительским движением, прежде чем он успел возразить. Ее тонкие, но цепкие пальцы обхватили рукоятку с неестественной для девушки ее возраста уверенностью, будто это была всего лишь утяжеленная рапира.

Она встала в стойку — не идеальную, как в фехтовании, но устойчивую, низкую. Прицелилась одним движением, слившись с оружием в единый механизм. Она и пистолет стали частями одного уравнения, где результат — всегда летальный исход. Хлоп. Банка с грохотом слетела с трубы. Хлоп. Вторая. Хлоп. Третья. Она опустила руку с дымящимся стволом, и одинокий завиток дыма пополз к потолку. Взгляд, которым она удостоила Джейсона, был отточенной сталью насмешки.

— Учись, Форман. Это называется «контроль», — она небрежно, почти с пренебрежением, швырнула пистолет ему в руки, заставив того едва не уронить его.

— Развлекаетесь? — голос Атласа рассек гулкое пространство цеха, заставив их обоих вздрогнуть. Он стоял в проеме, его фигура была темным силуэтом на фоне гаснущего вечернего неба. — Или готовитесь к экзаменам?

— Чо как, мэн? — кивнул ему Джейсон, его дреды качнулись тяжелой, ленивой волной. — Чо, рожи помятые? Сидел кто на них? — он мерзко фыркнул, но смех застрял в горле, когда он разглядел выражение лица Атласа.

Атлас молча прошел к их импровизированному «столу» — старому верстаку, заваленному хламом. Скинул с плеча рюкзак и с глухим, зловещим стуком, отозвавшимся эхом по всему цеху, вывалил на стол четыре запечатанных полиэтиленовых кирпича. Белые кристаллы мутно поблескивали в полумраке звездами в закопченном небе.

— Нашли. В колесах «клиента».

Форман свистнул, низко и протяжно. Его глаза, всегда блестевшие азартом, теперь загорелись чистым, неприкрытым огнем жадности. Он сразу потянулся к одному из кирпичей, пальцы уже готовы были впиться в добычу, но Атлас остановил его:

— Грабли! Не наше!

— Вы, ребят, не мастер-клад подняли, а лабу обнесли, — Миа подошла ближе, ее взгляд мгновенно сменился с празд-

ного на профессиональный. Она взяла один кирпич, взвесила его на ладони с привычной легкостью опытной фасовщицы. — Чистый, вроде. Льдинки без желтизны. Каждый грамм по четыреста. Общий вес... около полутора кило. Три с лишним фунта, Джейсон, — без очередного ядовитого комментария и закатывания глаз сестрицы не обошлось.

— А ты все как федералы меришь? — насупился он, чувствуя себя уязвленным.

— Эти ребята определяют тебе срок, так-то, — она ответила ему легкий, почти ритуальный подзатыльник.

— На улице другие весы, — возразил Форман, тыча пальцем в кирпичи, словно тыкая в гору немых денег. — В унциях! Полтора кило — это пятьдесят три унции!

— Одна унция — это двадцать восемь целых и три десятых грамма, тупица, — поправила она с ледяным, учительским спокойствием. — Куда делись еще почти два грамма? На карман?

Атлас слушал их перепалку, осознавая, как с каждым их словом нарастает тяжесть в его груди, сдавливая легкие. Два эксперта, два языка, два мира, в которых они вращались: один — параграфов Уголовного кодекса и точных химических формул, другой — уличной налички, быстрой смерти и грязных купюр. И оба они, как два стрелочника, сходились в одной точке — перед ними лежала гигантская, невероятная проблема, пахнувшая одновременно тюремной робой и пачками стодолларовых банкнот.

— Сколько это? — Эванс спросил тихо, но так, что их спор мгновенно затих, срезанный на взлете. Он так и не услышал, за чем пришел. Цифры. Оценку риска. Цену их жизнью.

— Я беру по часам, а не по весу, — сестрица-фасовщица оказалась бесполезна.

— Поэтому вас меньше нас ценят, — заржал сбытчик-Форман.

— Заткнулся, хуесос, ща всеку, — Миа отвесила ему парочку быстрых, почти ритуальных ударов в плечо маленькими, но костлявыми кулачками. Форман только фыркнул, привыкший. — Мелкий оптовик нашелся!

— Так сколько это? — на этот раз в голосе Атласа прозвучала закаленная сталь, лезвие, готовое разрубить любые препирательства. Глаза его сузились, впиваясь в Джейсона.

Джейсон уже достал телефон, его вечная трусливая хитрость мгновенно испарилась, уступив место деловой хватке стрит-барыги, учуявшей куш, ради которого не грех и голову под нож гильотины подставить.

— Полтора кило... — он что-то быстро набирал на калькуляторе, но его пальцы казались неуклюжими и медленными.

— Если фасовать десятой грамма на дозу... Это пятнадцать тысяч доз, — сестра снова опередила Формана. Ум, отточенный на учебниках и уличных схемах, работал быстрее любого процессора.

— Унции, Мэймэй, мы продаем в унциях! — взвыл Джей-

сон, словно от физической боли.

— Никто не покупает лёд в унциях, Форман! Только дебилы! Нормальные люди берут в граммах!

— В какой, нахуй, вселенной? — он развел руки, вызывая к небесам из ржавой арматуры потолка, как проповедник на воскресной мессе.

— В той, где округляется в большую сторону и не обсчитывают! — парировала Миа, ее голос был острым, как бритва.

— Еще раз: в какой, нахуй, вселенной нормальные люди покупают лёд? — осадил ее Форман, и на этот раз его уличная, циничная аксиома повисла в воздухе, не требующая ответа.

— Ладно, — сдалась Миа, отведя взгляд. И вот так уличная «логика», основанная на алчности и простоте, одержала верх над педантичным, математическим стремлением к порядку. Маленькая, но горькая капитуляция.

— Так. Сколько. Это. Стоит, — Атлас терял последние капли терпения.

— В тюремных годах? — услужливо подкинула дотошная сестрица, на что получила взгляд «заткнись», не пронявший ее ни на йоту. Или на грамм, как она предпочитала.

— На районе «дестюшка» минимум по десятке. В опте, конечно, дешевле... — Джейсон насвистывал, глядя на итоговую цифру на своем телефоне, и в его глазах плясали демоны жадности.

— «Дестюшка» это десятая часть грамма, если что... — кольнула его Миа, и Форман продемонстрировал ей ровность среднего пальца, не отрываясь от экрана.

— Сколько! — прикрикнул Атлас.

— Если оптом свалить все одному усатому дяде из Аптауна — тыщ шестьдесят-семьдесят. Быстро, один раз высунуть голову из машины. Без барыша. Мелкий опт «восьмушками» торгашам, как я, — тыщ до ста. В розницу — под двести кусков. Легко. Это пятнадцать тысяч пакетов. По десять-пятнадцать баксов каждый. Но это долго. Каждый покупатель — риск, плюс нужна клиентская база, договорняки с ребятами на точках и прочее...

Воцарилась тишина. Тяжелая, ватная, удушающая. Впитавшая в себя весь гул цеха. Даже Джером замер, перестав переминаться с ноги на ногу. Цифры висели в воздухе, сладкие и ядовитые, как сам товар. Они пахли новой жизнью. Дорогими лекарствами для отца. Стипендией в Принстоне. Спасением. Побегом. Они пахли всем, о чем они с Мией шептались по ночам на крыше, все эти долгие годы.

— Ну? — Атлас обратился к сестре. Он знал, что в ее голове, этом сверхмощном процессоре, уже крутился алгоритм, план, как максимально безопасно и выгодно избавиться от смертоносного груза. Но она молчала.

— Что «ну»? — будто вскипевшее молоко в кастрюле. — Первая степень. От десяти до двадцати лет в государственной тюрьме. Хотя если сдашь поставщика... — она подвела

к главному. — Такие объемы просто так не теряют, Атти.

Поставщик. Угнанная машина в пыльном ангаре. Качественно. Надежно. Анонимно.

— И что ты предлагаешь? — Атлас ставил прикус — ее план не был похож на предложенное Форманом.

— Сдадим «Бешеным». Они пусть разбираются с тем, кто просрал партию на двести кусков, а мы скромно попросим вознаграждение в один процент от розницы, — она выпалила это одним выдохом. Самый мудрый и безопасный вариант. И самый обидный. Они теряли девяносто девять процентов вероятной прибыли. Или сколько это там в тех самых граммах, которые она так скрупулезно считала?

— Я не буду звонить ему, — отрезал Атлас.

Перспектива разговора с братом, униженной просьбы, выделась хуже тюрьмы. Не сама просьба, а ее контекст — он не мог прийти к Ашеру с товаром его же босса, как нищий, выпрашивающий подачку за возвращенный кошелек.

— Конечно, нет. Ты хочешь продать в розницу и наплевать на риск, — сестрица-перестраховщица заговорила сквозь сжатые зубы. — Скажи мне, ты для этого пахал последние несколько лет, чтобы получить прописку в Трентоне на двадцаточку?

— Даже не думай ему звонить, ясно? — в голосе Атласа прозвучали стальные нотки ультиматума, к которым он прибегал, когда все логические аргументы исчерпаны. Миа слабее физически, и в этом крылось ее главное, и самое опас-

ное, оружие — ее всегда недооценивали. Зря.

— Позвони Дэдди, он все же наш крестный, — изворотливая лиса всегда находила обходной путь. Хитрая, расчетливая, гибкая. И полностью лишенная той слепой, волчьей ярости, что охватывала Атласа в минуты отчаяния. Он видел только цель, а для нее важен был каждый шаг на пути.

— Я не ребенок, — отрезал он, чувствуя, как детская обида на старшего брата и весь мир горьким комом подступает к горлу.

— По закону — да. И судить тебя будут как взрослого. Это тебе не Форман с его малолетними приводами за мелочевку...

— Приводы у мистера Уорда. У Формана чистое досье, я взял фамилию матери на совершеннолетие, — оскалился хитрый жук, похваставшись своей единственной жизненной победой.

— Я не побегу с этим к Ашеру, ясно?! — Атлас сорвался на крик, его голос грохнул о стены цеха, и где-то вдалеке, с медленным звоном, упал осколок стекла. Эхо прокатилось по помещению похоронным набатом.

— Предельно, — Миа смотрела на него со злобным, почти звериным прищуром. В ее глазах горел не страх, а вызов. Глубокая, пропастная трещина между ними, внезапно ставшая реальной.

— Ребят, хорош, — Джером почувствовал, как нарастает конфликт, который уже давно перестал быть о деньгах, а о

чем-то гораздо более важным.

— Двести кусков, Миа, — тихо, почти интимно, напомнил Атлас. Не она ли так же рьяно, как и он, рвалась сбежать из этого ада? Она бы, как и все они, получила свой шанс. Свой куш.

Атлас навис над столом, подавляя привычным жестом — физическим превосходством, пытаюсь вернуть контроль над ситуацией и над ней.

— Пятьдесят на каждого. Сможем отдать отца в приличный хоспис, — он нажал на самое больное, пытаюсь играть на сентиментальности. Манипулировал. Недооценивал ее. Зря.

— Ему и так недолго осталось, — в ее голосе не было ни капли жалости, только невыносимая, как удар об лёд, правда. Правда, от которой сжималось сердце и рушились все иллюзии.

Ладони Атласа с глухим стуком обрушились на стол. Его задела не ее прагматичность. Его ранило предательство. Его тень, его вторая половина единого организма выживания, его союзник во всем вдруг отказался следовать за ним в огонь. Та, с кем он делил все — от крох до ярости, — внезапно выбрала сторону осторожности. И только сейчас, глядя в ее непокорные, наполненные многолетней мудростью глаза, Атлас с ужасом осознал, что за фанатичным стремлением к цели не заметил, как сестра успела вырасти. Без его ведома. Без его разрешения.

— Значит, делим на троих, — прошипел он, отступая на

шаг. Бушующий гнев сменялся в нем титаническим усилением воли, превращаясь в необратимое решение. — Вы еще в деле?

Форман радостно обнажил крупные белые зубы. Азарт торговца, учуявшего наживу, начисто выжег в нем трусость.

— Эм? — уточнил Атлас, но Мастерс лишь испуганно метался взглядом, как загнанный зверь, не находя спасения ни в одном лице.

— Соглашайся, Эм, — неожиданно, тихо и с убийственной четкостью, произнесла Миа. — Вы оба нашли посылку. Оба не сообщили. Ты уже соучастник. Составишь другу компанию лет на пять минимум...

— Если нас поймают, — с хитрым прищуром уточнил Форман. — Но если поймают не нас...

— Ну конечно, — закивала Миа с горькой усмешкой. — Ваш фирменный фокус «приведи малого на работу». И кто этот несчастный?

«Бойся!» — увидел Атлас предупреждение в серых глазах — таких же, как у него. Он ступил с волчьей тропы и приблизился к красным флажкам вплотную. Им двигала не блажь: гордость, ярость, отчаяние заставили инстинкты умолкнуть.

— Берем Ирландца, — мрачно от безвыходности положения произнес Эванс и принял решение, которое, он чувствовал костями, навсегда изменит траекторию их жизней. И, возможно, проложит между ним и сестрой пропасть, через которую уже не перебросишь мост из рапир и общих ран.

— Энди? — Миа захохотала так пронзительно и безумно, как не смеялась, на памяти Атласа, никогда. — Атти, ты нарушаешь главное правило дилеров: не употребляй товар! — ее смех звенел стальным скрежетом, вызывая примитивное, темное желание впиться пальцами в ее тонкую шею, чтобы вернуть тишину и контроль.

— У меня он не брал, — по-крысиному открестился Форман, поднимая руки в показном отречении.

— Так Энди ж «розовый»! — Миа захохотала еще громче, и Атласу захотелось не просто закричать, а действительно ударить ее — не чтобы причинить боль, а чтобы разрушить эту стену ее превосходства, которая рушила все его планы.

— Значит, берем Ирландца, — сквозь стиснутые зубы, сквозь гнев и унижение, прошипел он. В голове уже складывался примитивный, прямолинейный план. Плевать, что сестра алым карандашом безжалостной логики указывала на все его фатальные изъяны. — Форман, свяжись с ним. — Эванс грубо, с ненавистью, затолкал кирпичи обратно в рюкзак и сделал резкий шаг к выходу, к точке невозврата.

И вдруг сестра перестала хохотать. Резко. Будто кто-то выключил звук.

— Ладно, — снисходительно выдохнула она, и в ее глазах не осталось ни искорки веселья. — Посмеялись и хватит. Теперь слушайте мой план. Единственный, после которого вы, с малой долей вероятности, доживете до моего выпускного. — Она с театральным жестом утирала мнимые слезы

смежа манжетой застиранной толстовки, что некогда носил сам Атлас. А до него — Ашер. Это была их фамильная броня, пропахшая потом и памятью.

— Хочешь назад в долю? — с презрением спросил Атлас, чувствуя призрачный вкус победы. — Твоя упала на тридцать процентов. Или сколько там в граммах? — В его помутневшем от ярости сознании это была неслыханная щедрость — допустить ее до дела, которое она же и отвергала.

— Мне не нужны деньги, — огорошила она. Все замерли. — Вернее, нужны. Очень. Но не эти. Мне нужно, чтобы ты не сел, пока я не окончу школу и не свалю из этой дыры. Поэтому, — ее голос опустился, став тихим, холодным и опасным, как шипение воды на раскаленных камнях, — заткнитесь и слушайте.

Она откинулась на спинку стула, и в ее глазах зажегся тот самый безошибочный огонь стратега, который Атлас видел только в зеркале, готовясь к атаке на фехтовальной дорожке. Она не просто предлагала план. Она брала на себя командование.

— Четверть уходит оптом «усачу» из Аптауна, — ее слова повисли в воздухе, мгновенно перекрывая любой начинающийся ропот. — Это не доход. Это — страховой фонд. На случай, если кто-то накосячит. А вы обязательно накосячите. У вас в команде Ирландец.

Ее взгляд, тяжелый и предсказывающий, скользнул по Атласу, и он понял: она не сомневается, что косяк неизбежен.

Она рассчитывает на него.

— Две четверти — на мелкий опт через проверенных людей Формана. Последняя — на розницу, но только через две, максимум три точки, которые «Бешеные» контролируют. Отстегнуть ребятам на точках за молчание, хозяевам заведений — за «аренду». Ирландцу в лапы — ни грамма. Он уже сгорел. Брать его только на сброс, если прижмут, как мистера Уорда. И да, — она сделала театральную паузу, дав словам вбиться в сознание, — вам придется отдать ему долю. До скольких упала моя?

Атлас едко усмехнулся, чувствуя, как его собственный план рассыпается в прах перед этой безупречной логикой.

— До двадцати? Не граммов. Процентов.

— Ты опять меня не слушал, — невозмутимо парировала Миа, будто констатировала факт неработоспособности детали. — До нуля. Мои двадцать вы отдадите Ирландцу. Это его цена за то, чтобы быть вашим амортизатором. Он согласится. Он отчаянный.

Она встала, и ее тень, худая и острая, легла на рюкзак.

— Моя доля — это не проценты с барыша, Атти, — ее голос стал тише, но от этого лишь весомее. — Моя доля — это ваша свобода. Пока вы собирались играть в гангстеров, страхую ваши спины. Мой план — единственная причина, по которой вы не окажетесь в камере к следующему понедельнику.

Он смотрел на нее, и впервые за долгие годы видел не

сестру, а чужого, опасного оператора, вычисляющего вероятности в уравнении, где их жизни были всего лишь переменными. Ее план был хорош. Смертельно эффективен. В нем была та самая железная логика, которую он так ценил в разборе машин — каждая деталь на своем месте, каждый риск просчитан и нивелирован.

Двадцать процентов — плата за их с Джеромом глупость и слепоту. И она права — это единственный разумный выход. Самый обидный, самый унижительный... и единственно верный. Она права. Всегда права. Атлас не видел этого, потому что смотрел на нее как на ребенка. Как на свою ответственность. А она все это время была ему ровней. И, возможно, в чем-то — превосходящим.

Она больше не его тень, не младшая сестра, которую нужно защищать. Она — та, кто уничтожал следы. Иронично, ведь происходила она из рода тех, кого учили их читать. Вулфы — одни из самых известных охотников на ведьм в истории Северо-Востока, и одна из них, похоже, родилась не по ту сторону костра. Атлас, видимо, тоже. Он чувствовал, как под ногами разгорается пламя. Они уже горели. Просто огонь был пока невидим.

Горькая пилюля, от которой сводило скулы, застряла в горле. Он так отчаянно цеплялся за роль лидера, защитника, того, кто вел их к свету. А оказалось, что Миа давно уже не следует за ним — она идет параллельным курсом, иногда подставляя плечо, а иногда безжалостно обрезая его крылья,

чтобы он не разбился о скалы собственной самонадеянности.

Он посмотрел на рюкзак. Уже не просто на груз проблем, а на точку невозврата. Согласиться с Мией — значит признать, что его ярость и гордость вели их напрямик в ад. Отвергнуть — значит стать тем упрямым ослом, который тянет всех на дно. Атлас медленно кивнул. Не ей. Самому себе. Принятие решения.

— Ладно, — его голос прозвучал хрипло, сорвавшись с самого дна легких. — Делаем по-твоему.

Эти слова стоили ему дороже, чем любая драка, любая украденная машина. Они стоили ему короны, которую он никогда не носил, но чью тяжесть всегда ощущал на своих висках. Теперь он делил ее с той, кто оказался достоин. И впервые за долгое время он почувствовал не тяжесть ответственности, а странное, щемящее облегчение. Он был не один. Его тень обрела плоть, кровь и стальной, безжалостный разум.

Они уже горели. Но теперь, по крайней мере, они горели вместе. И если уж им суждено сгореть, то так, чтобы от их пламени осветился весь проклятый город, прежде чем он поглотит их окончательно.

Распад

Рассвет в Нордсайте не наступал — он просачивался сквозь пелену вечной копоти, как пятно на промокашке. Но на этот раз воздух откровенно горчил: не просто пах гарью — он стал ею, взвесью ядовитой сажи и прогоревших надежд. Сладковато-приторный дух паленой краски смешивался с тяжелым, тошнотворным запахом чего-то органического, что не имело права так пахнуть, — запахом, который впитывался в одежду, в волосы, в легкие и не выветривался, напоминая: это не просто пожар. Кремация.

Там, где вчера стоял «Нордвинд», теперь зияла черная, дымящаяся проплешина. Ангар обратился в хаотичный скелет из почерневших, скрюченных в предсмертной агонии стальных балок. Они все еще дымились, источая в сырой утренний воздух струйки ядовитого пара, словно души не упокоенных рвались в мир живых. Пожар бушевал с такой адской яростью, что оплавил стекла на соседних зданиях, превратив их в слепые, застывшие в ужасе глаза.

Атлас и Джером стояли, вцепившись в холодные звенья ограды, не в силах оторвать взгляд от пейзажа окончательной гибели. Тот холодный ужас, который вчера виделся абстрактной угрозой в полиэтиленовых кирпичах, теперь стал осязаемым — он лежал мертвым грузом в желудке, едким комом в горле, состоящим из пепла и осознания собствен-

ной смертности.

— Эй, парни!

Они обернулись. К ним подходили двое в дешевых, но отутюженных до состояния брони костюмы, кричавших «коп» громче жетонов. Обувь, слишком чистая, слишком новая для этого прокопченного мира, беззвучно ступала по угольной крошке, оставляя следы на пепле. Старший, с лицом, на котором скепсис оформил постоянную прописку, представился детективом Морсом. Его напарник, моложе и плотнее — молчаливый, внимательный, с глазами-сканерами, беспристрастно заносящими каждую гримасу, каждый нервный тик в невидимый протокол.

— Вы здесь работали? — спросил Морс, и взгляд прожжённой ищейки, скользнул с застывшего лица Атласа на побледневшего, почти зеленого Джерома и обратно, будто взвешивая на незримых весах Фемиды степень вины и причастности.

— Да, — рвано выдохнул Атлас. — Иногда. После школы.

— Вам повезло, что не вчера, — детектив кивнул на руины. — Старик Хендерсон не успел выйти. Пожарные обнаружили тело к утру. Сгорел на работе. Буквально, — копы обменялись кривыми ухмылками.

Джером издал сдавленный звук, похожий на стон придавленного мусорным баком опоссума. Его мощное тело съежилось, лицо приобрело землистый, болезненный оттенок. Атлас не дрогнул, стоял, как каменное изваяние, но внутри у

него все заледенело. Им оставили послание: «Мы знаем. Мы пришли. Следующий — ты».

— Вам не попадался тут в последние дни темно-синий внедорожник? Тойота. Прошлогодняя модель, — детектив Морс не сводил с них глаз-щупалец, выжидая малейшую трещину в их броне — дрожь в руках, испарину на виске, беглый взгляд. Не слишком надежный способ дознания: парней и так бросало то в холод, то в пот при виде сгоревшего автосервиса.

— Машин много привозят, — сердце Атласа, уже замороженное видом пожарища, провалилось куда-то в ледяную бездну. Оно билось глухо и редко, как аварийный сигнал в затопленном трюме.

«Цель: детектив Морс. Задача: дезинформировать. Статус: критический».

— Не помню такую конкретно. А что? — Идеальная маска напуганного рабочего паренька, оглушенного трагедией. Он вжился в роль, как в свою вторую кожу.

— Ее угнали, — Морс не моргнул глазом, впитывая каждую пору на его лице. — Владелец заявил. В салоне остались вещи. Ценные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.